

Свист оглушал. Отвратительный, всепоглощающий, он рождался из обжигающего бульканья, ускорившегося, переходящего в глухой свист, и, наконец, вырывался наружу протяжно и жутко. Этот навязчивый звук никак не желал исчезать и вытягивал, выдерживал, выскребал сознание из непроглядного мрака забвения.

Для меня не существовало ничего кроме этого свиста, источник его был где-то совсем рядом, являясь одновременно средоточием невыносимой боли, ему вторили громадные барабаны в висках, выбивая ритм еще не оконченной жизни.

Первой мыслью была именно эта – жив. Я смаковал ее как изысканное блюдо, как глоток терпкого вина, подогретого в прохладный вечер, как прикосновение желанной женщины... Восторг длился целую вечность...

Но пришлось окончательно приходиться в себя.

Я валялся, скорчившись в неудобной позе, умоляя ноющее плечо вытащить согнутую за спиной, онемевшую левую руку. Но все что я смог в своей жалкой попытке вернуть свое тело – немного пошевелить свободной рукой и подтянуть затекшие колени к животу.

Но хуже всего было там – внутри, в голове, в глубине. Затылок будто проваливался сквозь поверхность, на которой покорился, мысли сминались невидимыми жерновами и пылью стекали в никуда. Я панически боялся потерять себя, высипаться, пока крошечная тьма, в которой растворялось сознание, не выплеснулась наружу. Тьма заполнила все окружающее пространство, так что было невозможно понять, нахожусь ли я во власти мрака, или полностью ослеп.

Я потянулся к глазам, ожидая что пальцы провалятся в пустые глазницы, но не нашел даже лица. В отчаянье, я уронил обессиленную руку и заорал от острой, как кинжал боли в пальцах. На ощупь оказалось, что они вывернуты подо всеми возможными углами. Представив, как рука выглядит со стороны, я вспомнил палец Фамиреза.

Жирный, грязный, волосатый палец, такой же мерзкий, как и его обладатель, был главным действующим лицом в активной жестикуляции Фамиреза. Коротышка размахивал руками, попеременно указывая то на ночной Город за окном, то на мое разбитое лицо, и захлебывался в изобличительных признаниях. Фамирез театрально заламывал руки, потрясал засаленной шевелюрой, бегал глазами и даже пытался громко всхлипывать. В общем, старательно изображал из себя идиота. А как же иначе? В караулку Квартальной тюрьмы Испорта добровольно зайдет только законченный кретин, а уж если выпустят, то вперед ногами, или гораздо хуже – завербуют в доносчики.

Но как может быть стукачом призрак? Фамирез, чертов бывший городской Заправила! Ты же лет семь, как мертв!

Но привидение как ни в чем не бывало, восседало на деревянном стуле, и, призывая в свидетели Строителя со всеми святыми, загибало пальцы, перечисляя мои бесконечные грехи. Не забывая, впрочем, напоминать дюжим ребятам из Городской Стражи о награде, назначенной Шерифом за мою поимку.

Бравые служаки слушали его в пол уха, азартно вгоняя мои ребра в мои же легкие, подошвами подкованных по уставу сапог. Прижатый к кадыку клинок исключал всякое сопротивление, и мне оставалось лишь корчиться от боли и ждать, пока они выдохнутся и оставят меня в покое. Экзекуция была вопиющей неуставщиной, но судя по рвению, именно этой троице я изрядно подправил физиономию на прошлой неделе, когда вляпался в облаву, потягивая пиво у Ло. В тот раз мне повезло и

я умудрился улизнуть. Сегодня же, меня качественно выпасли и вырубили без лишней церемонии... Демоны, еще немного и эти изверги с орлами на накидках, просто забьют меня до смерти. Лязгнула дверь. Резкая как удар бича команда, и недовольные служители закона, ворча, отступились. В караульном помещении повисла тишина, лишь пьяный хохот кавалеров и игривые взвизги их благородных спутниц, кутящих на улицах в ночной прохладе и вечном бездельи, перекрывал хриплую одышку утолившихся от избиения Стражей.

Я мотнул головой, в попытке разогнать разноцветные круги перед глазами и сфокусировал взгляд на вошедшем человеке. Шериф стоял передо мной, положив левую руку на эфес меча, покрывающегося в перевязи, покрытой вензелями с искусно вышитой геральдической литерой «Ш». Этот знак принадлежности к семье благородной крови довольно нелепо выглядел на фоне сине-желтого офицерского камзола.

Зато лицо Шерифа Трурарта источало такую уверенность и силу, что не запомнить его было тяжело. Волевой подбородок, широкие скулы, тонкий нос, выдающийся аристократическое происхождение, поджатые губы... И глаза...

Чуть прищуренные, усталые, окруженные мелкими морщинками... Но пронзительный взгляд Шерифа не оставлял сомнений в том, что он видит меня, таффера, до самых печенок. Я отвернулся.

Шериф присел на одно колено, скрипнув сапогами, взял меня за подбородок, развернул лицом к себе и поднес свечу. Когда пламя осветило мой правый глаз, у офицера непроизвольно дернулась щека и заиграли желваки на скулах. Еще бы... Полгорода считает, что именно я укоротил его папочку...

Но Трурарт полностью подтвердил свою репутацию. Он подавил гнев, встал, отряхнул руки и с натугой выдохнул. Неопределенное движение пальцами, в сторону подчиненных и хмурые стражники кинули меня на заплеванные доски...

- Это он, он, Я точно говорю... посмотрите на глаз... на глаз посмотрите а? - гадливо запричитал забившийся в угол Фамирез.

- Заткнись - оборвал его Шериф - прекратит избивать, утром вздернуть - это уже стражам...

Хороший он все-таки парень - этот новый шериф. Не глупый, лишнего зверства не допустит, от кастрации нос воротит, да и луком от него не пахнет как от тех небритых...

Парень - закон, про таких говорят. Жаль, долго не протянет с этими шакалами. Свои же и кончат. «Найдут» в коллекторах с перерезанной глоткой и руками разводиться начнут, мол, врагов много нажил. И забудут. Барон нынче совсем плох стал, на мелочи такие с ложа и не взглянет.

А ведь даже имени шерифа я не знаю... столько рыл вокруг, все мразь на мрази... этих помню... и титулы и имена. А один приличный человек подвернулся и на тебе...

Проводив начальника станции взглядом, притихший, было, Фамирез, зашептался, о чем, что с тройкой стражников. Сквозь недельную щетину и опухшие щеки похмельного безразличия проступил живой интерес. Поросячьи глаза воровато забежали... Демоны, речь явно зашла о золоте и моей шкуре... выводы расстроили бы кого угодно.

Пока они шептались, я прикинул, что, в общем-то, Фамирез единственный сейчас знает меня в лицо, кроме оставшихся Хранителей, да еще пары абсолютно надежных людей. И не забыть мой портрет за столько лет он резон имел... Я ему, гаду, каждую ночь снился. И когда нашел он свои закрома пустыми, и когда понял что годовую взятку платить нечем, и когда Лорды об этом узнали, и когда на куски его за это резали... Значит, не дорезали...

Или сбежал, или притворился... теперь у шерифа в стукцах... Крыса. И меня гад сдал. Есть за что.

В общем, упал я с нар там, в караулке... и напрямик сюда. Осталось выяснить куда это - сюда.

Сначала пальцы... есть надежда, что не сломаны. Изувечить пальцы - обычная практика против убийц - чтоб оружия держать не могли. Раньше просто рубили, не мудрствуя, но престарелый Барон, не имевший наследников, проявил особым указом гуманность.

Шақ и ест - просто выдернуты из суставов. Нащупал ремень, зажал в зубах толстую кожу и принялся восстанавливать конечность. Главное что бы тихо. А то мало - ли куда меня определили. На указательном пальце, я снова отключился, потом дело пошло веселее.

Пришла пора исследовать глаз.

Упокойся брат Каррас... Гореть тебе синим огнем в горне Строителя. Бессчетны твои грехи, но механизм ты создал уникальный. Я мог отлично и четко видеть и в темноте и под водой, и дальше любого из людей, которых я знаю. Но не сегодня. Механический глаз не работал, и, судя по царапинам на меди, его пытались извлечь из глазницы. Чертов Рамирез, ублюдок, Плеть тебе с Братом Каррасом, на том свете, в одной компании.

Вот и так сказать резюме – глаз подкололи как шпиону, пальцы изувечили как убийце.

Не являюсь не с одними не с другими.

Я вор. По имени Гаррет. По прозвищу Пень.

Рамирез

Рамирез ни как не мог поверить, что с проклятым вором покончено раз и навсегда. Его – Ночного Лорда, державшего в руках добрую треть Города, имеющего на содержании четырех «карманных» Шерифов, обладающего армией опытных головорезов, его – городского Заправила, при упоминании о котором все эти глупцы, тафферы, проститутки, знатные щеголи и лощенные офицеры городской стражи начинали обильно ходить под себя, проклятый выскочка сделал нижем.

Нет денег - нет человека. Рамирез обожал эту избитую фразу, особенно когда люди валялись у него в ногах, умоляя снизить долю выплачиваемой кастрации.

Теперь нет его, Рамиреза. Потому что нет денег. В тот проклятый демонами год, золото Ночных Лордов стекалось в надежно охраняемый особняк Рамиреза, готовилось к передаче нужным людям в Городском Совете. Часть денег должна была осесть в карманах продажных чиновников Барона и банковских счетах взяточников из Городской Стражи. Годовая взятка гарантировала минимум внимания властей к делам Ночных Лордов.

Именно в тот год, Рамирез взобрался на самый верх, именно его люди собирали больше всего дани и контролировали самый прибыльный район Города -Доки. Благодаря этому Заправила Рапуто и Заправила Вэбстер, наконец признали его силу и, скрипя зубами доверили Рамирезу распределить взятки лично. Золото всех трех Ночных Лордов... Огромные деньги...

В одну ночь проклятый Гаррет вычистил особняк, да еще обставил дело так, что новость нашла уши Рапуто и Вэбстера со следующим рассветом.

Ночные Лорды, узнав, что Рамирез пуст, накнулись как стервятники. Даже верный Якоб, предал своего патрона и не скрывая удовольствия, резал кожу с плеч Рамиреза на тонкие ремни, повинуюсь приказу нового хозяина - Рапуто. Особняк, вместе с коллекцией редкостей и внебрачной дочерью Рамиреза ушел Вэбстеру. Заправила Рапуто выбрал иное.

Специалисты пыточных этого старого садиста встретили Рамиреза с распростертыми объятиями. Вскоре мучитель наигрался и выбросил бывшего Заправила из головы. Просидев полгода в сыром подвале, Рамирез не выдержал и сломался. Обожравшись пылающих грибов, он бесновался и хохотал, исходил пеной и испражнениями. Да так, что палачи Рапуто посчитали его сошедшим с ума, и бросили у Стены. Нищие оборванцы, вчера считавшие Рамиреза чуть не равным Строителю, сегодня

заставляли его пускать пузыри в грязи, и забрасывали камнями. Он бежал и бежал, день и ночь, питаясь только травой и этими жуткими грибами.

Далеко на северо-западе он забрел в пещеры Эсс и не видел дневного света еще год, пока его не нашел этот странный человек из Блекбрука... Этот Тэсли...

Раимрез улыбнулся. Времена изменились, и не стоит ворошить прошлое. Нужно просто перерезать всех, кто скинул его, Рамирера с самого верха. Гарриет первым, сполна, ощутит на себе все то, что пережил он. Отбросив последние сомнения Раимрез решил принять столь щедрое предложение своего благодетеля...

Город утонет в крови.

Гарриет

Скользкий в Шенях в гораздо меньшей степени воспринимает окружающий мир, полагаясь на зрение, нежели простой человек. Скольжение - это искусство черпать информацию из неуловимых оттенков запахов, едва слышных звуков, движений волосков на коже, изменения плотности воздуха, легчайшей вибрации поверхностей. Даже не поддающиеся контролю разума собственные реакции - вроде безотчетного страха, внезапного чувства опасности или напротив уверенной беззаботности, поведают о многом, если учиться их ловить, расслаивать и делать правильные выводы. Хранители обучили меня Скольжению, отточив до идеала клинок врожденных способностей, выковывая абсолютное оружие. Оружие, которое способно отсекает излишне выпирающие части сил, пытающихся нарушить так оберегаемое ими, Хранителями, равновесие. Но я выбрал свой путь, и отнюдь не собирался останавливаться сегодня.

Несмотря на то, что мне изрядно досталось, возможности возвращались, правда, частично и постепенно. Легкий озноб, подаренный холодом и сыростью. Под ногами и слева под пальцами - каменная кладка, покрытая мхом и сочащаяся влагой. Пожалуй, я в коллекторах... От перспективы превратиться в обед для крыс передернуло. Но покидающие уши танцоры с бубнами уступили место отнюдь не всплескам нечистот и шурианию канализационных грызунов. Тулкая тишина. Издаваемые затекающими конечностями шорохи, прерываемые хрюканием, возвращались эхом откуда-то сверху, обещая той заднице, в которую я попал, рекордную глубину.

Металлический привкус во рту и разбитый нос мешали завершить картину вселенной, я еще не мог различать запахи, так что пришлось отодрать манжет, затолкать ткань в ноздри и запрокинуть голову. Морщась от боли я предвкушал, как отвечу любезностью на любезность Рамирера.

Похоронить меня вздумал? Не вышло, крыса... наведушь вот ночью... да в полнолуние... встану в изголовье... цепью, какой погремлю для антуража... провою по натуральнее... Главное отскочить вовремя, чтоб он не только себя и мебель, но и меня ненароком не обделал...

Меня начало трясти от беззвучного истерического смеха, и я, не выдержав, прыснул, очистив нос от пропитавшейся насквозь ткани, плотных сгустков крови, и еще какой-то дряни.

Заткнулся мгновенно, ледяные пауки рванули вниз по позвоночнику... Запахи... сырость, мох, тлен, гниющая плоть и неснящая злоба... Меня сбросили в Бонхорд.

Я попал в склепы.

Возводя величественные усыпальницы для единоверцев и знатных горожан, мастера Братства Молота не подозревали о том, строят погребальные камеры на старых фундаментах храма язычников. Поколение за поколением Братья хоронили усопших в великолепных залах, охраняя их покой и преклоняясь святым мощам пророка Джеремина. Но божество хаоса, природы, снов и страха, Лорд Древо, внял молитвам возмущенных шаманов и дал своим детям власть над мертвыми. Языческие некроманты направили мощь, спавшую в развалинах храма на осквернителей. Тысячи мертвецов восстали из могил и превратили священное для Молотов место в средоточие ужаса. Сам покойный Первосвященник Манавидан лично покинул комфортный склеп, ставший родным за века, и насмерть задрал двух Братьев, несущих почетную стражу у его мощей. Набранные в монастырях Воины Мастера-Строителя истово и самоотверженно искореняли боевыми, освященными молотами восставших из могил. Штукатурно. Каждый разорванный мертвецами Брат пополнял зловонные, не знающие страха полчища зомби и Молоты медленно но неуклонно отступали. Однако упорство и фанатичность Орденцев не знала предела. Будущий основатель одного из самых уважаемых теперь родов, Квинтус, предложил способ, который иные братья почитали святотатством но многие приняли, как последнюю надежду.

Квинтус расплавил одну из ценнейших Орденской реликвии – Серебряный Молот Рассвета и беспрестанно молясь, придал металлу, помнящего руку самого Кузнеца, новую форму. Мастерство Квинтуса явило Ордену Рог, глас которого, согласно откровениям создателя стал суть гласом гнева Мастера Строителя.

Квинтус стал во главе очистительного похода в Бонхорд. Грозное пение Рога повергало заполонивших склепы мертвецов в ужас, зомби падали наземь в корчах, Молотам оставалось лишь вбивать гниющую нечисть в камень, обращая останки в пыль. Поход увенчался полной победой. Орден ликовал и возносил хвалу Мастеру строителю.

Но порой, в безлунные ночи, года языческие шаманы в лесах собирались на камлание и их бог приоткрывал око в Утробу Хаоса, Бонхорд вновь исторгал мертвецов.

Орден ответил по своему. Молоты наполнили Бонхорд ловушками, дабы зомби не осквернили священные могилы, а воры не посягнули на реликвии, похороненные вместе с их обладателями. В Залах Покоя и Разносящегося Эха возвели высокую башню, выходящую на поверхность сложной системой воздухопроводов и трубок. Пойманный над системой усыпальниц ветер устремлялся в специальную камеру. Рог Квинтуса, спрятанный в этой камере звучал без участия человека с каждым порывом воздуха, защищая от перерождения почивших в склепах горожан.

Но в дальних, почти забытых усыпальницах, в затопленных подземными реками помещениях, продолжала крошиться нежить. Глас гнева там был не так силен, и время от времени смрадные гости из прошлого забредали в центральные залы. Но это уже мало кого волновало. Молоты теперь хоронили усопших в подвалах своих монастырей, а аристократы, взяли за моду строить фамильные усыпальницы прямо на территории своих особняков.

Простые горожане довольствовались кладбищами в черте Города... да кого они волнуют, простые... Последним, в Бонхорде похоронили самого Квинтуса, рядом с Рогом воздав мастеру наивысшие почести.

С тех пор в Бонхорде стало гораздо спокойнее и в склепы потянулись первые отчаянные парни, азартно исследовавшие закоулки в поисках сокровищ и попадавшие в многочисленные ловушки, магические и не очень.

Шесть лет назад ласкавшие слух Братьев переливы Рога внезапно стихли. Снаряженные для выяснения обстоятельств экспедиции Братства Молота пропадали одна за другой. Вернулся лишь один человек, Полубезумный, он мог передвигаться лишь ползком, его икры и бедра были сильно

объедены и протянул он всего несколько часов. Из его бессвязной речи, потока богохульств и истерического хохота, стало понятно, что Рог Квинтуса исчез.

Результаты расследования проведенного инквизиторами Братства, опровергли версию о вмешательстве язычников. Оказалось, что некий несусеверный оригинал пожелал пополнить свою коллекцию редкостей, и нанял вора, похитившего бесценную реликвию. Имен конечно не называли... В итоге всей этой истории, известные входы и выходы в Бонхорд экстренно замуровали, и это не сулило мне теперь ничего хорошего. Очевидно, Рамирез рассуждал именно так, надеясь от меня избавиться. Я злорадно усмехнулся...

Городской Заправила просчитался. Я мог бы слегка потрудиться и узнать много интересного. Например, сплетни о том, что таинственным вором, исполнившим заказ на Рог Квинтуса, был я. И я знал местные достопримечательности как свои пять истерзанных пальцев.

Раньше Бонхорд посещался регулярно. Склепы помнят торжественные погребения выдающихся горожан, помпезные прощания с главами Семи благородных домов, молитвы над почившими Первоиерархами Ордена Молота. Поэтому Братья придирчиво и аккуратно содержали усыпальницы в образцовом порядке, организовали централизованную систему масляного освещения. Выполняя заказ на Рог Квинтуса, я прогулялся просто с шиком, презрительно игнорируя немногочисленных неторопливых зомби, и нахально избегая ловушек, старательно и кропотливо нанесенных на карту, украденную у Ордена. К тому же я был неплохо экипирован и вооружен единственным средством против нежити - святой водой в запаянных пузырьках. Так что после меня количество сокровищ снизилось до ничтожного и конкурентам ловить стало нечего. Впрочем, почетный эскорт из зомби и их приятелей-мух сделает честь любому приличному вору.

Теперь тут темно, холодно, и в наличии не засыпанного выхода я сомневался... Хотя как-то же я сюда попал...

Мое пристанище оказалось обычным склепом три на пять шагов, с запертой дверью и тихим соседом - покойником в стенной нише, которому все так осточертело еще при жизни, что он решил не пополнять своим сухоньким телом полчища нежити, а тихонько гнил себе в веках. Церемониальный меч, на груди покойника оружием назвать было сложно, я без сожаления оставил покрытую паутиной безделушку, и занялся замком на двери.

Механизм представлял собой примитивный лепестковый запор, и был отлично смазан. Небольшие манипуляции с беспощадно разломанной пряжкой ремня, и в результате - открытая дверь и спадающие штаны.

Распахнутая дверь взметнула тучи пыли, которая теперь медленно оседала на редчайший дымчатый мрамор. Сложная мозаика под моими ногами укрылась толстым слоем праха и позолоченной штукатурки осыпавшейся со стен. На капителях вычурных колонн поднималась вверх, в темноту спиральная каменная лестница, с полуобвалившимися пролетами. Пол зиял провалами, сочащимися голубоватым туманом, в этой дымке сновали мелкие, неопасные пауки. Сотни тысяч нитей паутины обвивали некогда роскошный зал, облачая в похоронный саван даже неумирающий камень, развеваясь в тишине белесыми, рваными флагами вечного покоя. Все это печальное запустение и разруху, созерцали изваяния древних рыцарей Братства Молота, выстроившихся кольцом вдоль замыкающейся кругом стены. Вознесенные в салюте руки воинов, обращенные к центру зала, сжимали развернутые свитки с Догмами. В центре торжественной композиции, на мраморном постаменте, возвышалась бронзовая статуя бога Ордена-Мастера Строителя. В длани своей бог возносил священный символ созидания и Порядка, страшное оружие против созданий Хаоса - громадный молот.

Усыпанные хвалебными письменами щиты на спинах каменных воинов услужливо дали ответ на мой самый главный вопрос. Зала Сердца. Там, где колонны давали опору второму ярусу, под пристальным

взглядом наполненных убийственной магией охранных статуй - ловушек, веками покрывается легендарный драгоценный камень – Сердце Мистика. Точнее покроялся, пока я не продал его жуликоватому вельможе из Блекбрука, северного города-государства с которым Бароны вели нескончаемые войны.

Видимость была отменная – всюду разрослись пылающие грибы, дававшие достаточно света, чтобы прочитать выбитую эпитафию на каменной могильной плите с четырех шагов. Пылающий гриб - излюбленное лакомство рептилий-землероек - бурриков и ходовой товар для пивоваров Города. Сойдет в качестве обеда и мне, если не брать в расчет галлюцинации, появляющиеся при злоупотреблении сырыми экземплярами.

Пришло время выбирать направление. Встреч с зомби еще можно избежать, они, так сказать, гражданские в несложной иерархии нежити. Неторопливые и тупые.

Но Хаунты, перерожденные некромантией Обманщика воины Братства Молота, убьют меня в доли секунды. Что может быть желаннее для Лорда Древо, чем истово верующие, пусть и умершие. Вот и подарил им Обманщик в посмертии - острый слух, запредельную скорость, умение сражаться сталью и неистовую злобу. От одновременного хохота и плача этих существ, в которых заточены извращенные сущности Хаоса, и тени захваченных душ Братьев, люди со слабой волей теряют рассудок.

Так что мне необходимо оружие против нежити и бурриков. Где грибы, там и буррики, стоит ожидать худшего. Значит святая вода и Адольфо. Источник всего в полутора сотнях шагов по гулким коридорам и наверняка действует. Мастера Ордена тщательнейшим образом оберегают как обычные водоводы, так и дренажные системы с освященной водой, считающиеся абсолютно надежными.

Потом Адольфо... Легендарный вор, рискнувший спустится в склепы за Сердцем Мистика, в последней надежде откупиться от городских Заправил. Я видел его мумифицированный труп, совершенно не тронутый разложением, зомби и подземными животными. Из уважения к знаменитому коллеге я не стал обыскивать тогда его останки, и поясная сумка Адольфо со снаряжением должна была быть при нем. Если в сумке отыщется хоть немного взрывчатки, я выберусь отсюда. Но это очень долгий путь.

Стараясь держаться в тени, вливаясь в нее, растворяясь в причудливо изломанных силуэтах колонн, я начал Скольжение. Мое сознание распахнуло границы восприятия до предела. Все чувства резко обострились. Я слышал падение пылинок, дрожь паутины высоко под потолком, треск крошащегося от времени камня. Чувствовал запах грибов, затхлой сырости и вечного разложения доносящийся из отдаленных погребальных камер. Видел, как свет пульсирует внутри живых светильников - пылающих грибов. Движения мои ускорились, но это была не резкая поспешность человека, а молниеносная грация дикого зверя. Я видел Скольжение со стороны не раз. Для наблюдателя, Скользящий просто шагает в тень и исчезает.

Скольжение – не магия и не боевое искусство. Скользящий в Пениях не просто прячется, заменяя магией мимикрию рептилий. Он скорее змея, гипнотизирующая человека мерным покачиванием и издающая туманящие голову звуки. Это мастерство способно заморозить любое существо, обладающее разумом. Даже заемный дух нежити подчиняется земным законам, даже Хаунты и Мертвые Священники вынуждены пользоваться человеческими органами чувств, даже твари Обманщика, порождения Утробы Хаоса, не могут противиться отводящему глаза рисунку

Скольжения. Взгляд просто скользит мимо и сквозь. Заметить обученного Скольжению, может только человек с редким врожденным даром. Много лет назад, я, начинающий карманник, запуская руку в кошель прохожего, не понял, что человека со странным перстнем в виде замочной скважины, никто не замечает. К моему изумлению странный человек не отволок меня к Стражам, а предложил обучение. Я был молод и не придавал значения его словам. Много позже я узнал у него о Скольжении, о Хранителях и о той миссии, что они выполняют в Городе. Так Хранитель Артемус стал моим наставником, а я – аколитом.

Только вот Бонхорд – не Город, где все знакомо, понятно и предсказуемо. Каждый шорох в склепах – опасность, каждое дуновение ветра – признак близкой бездны. В недрах гробниц нельзя доверять собственным глазам, свет может оказаться мороком, движение – обвалом или не дай Строитель призраком.

Если мне, безоружному, по пути встретиться призрак... Не хочу даже думать об этом. Поэтому несмотря на относительное спокойствие и умиротворение, царящее в чертогах Бонхорда, мне нельзя прекращать Скольжение. Ни на минуту.

Это место – сложный, запутанный лабиринт. По площади Бонхорд, пожалуй не больше Южного квартала. Но в отличие от поверхности, большинство усыпальниц и секций склепов, расположены в вертикальной плоскости. Ниши с каменными гробами вздымаются вверх на тридцать – сорок уровней и чтобы оказаться за соседней стеной приходится преодолевать тысячи футов вверх – вниз по разрушенным лестницам, сгнившим деревянным террасам, или прямо по стенам, используя вбитые строителями в камень металлические скобы.

Как назло, путь, задуманный создателями Бонхорда из Залы Сердца в Залы Токря и Разносящегося Эха оказался разрушен. Вода подтопила и размыла опорные колонны террасы, и сооружение рухнуло в подземную реку. Я прикинул варианты, осматриваясь.

На отвесной стене, исчезающей в темноте справа, мрак будто бы сгустился в пятно правильной формы. Возможно это дренаж, или технический тоннель, гадать нет смысла, надо проверить. Демоны, ни черта же не видно... если бы ублодки не испортили механический глаз, все упростилось бы невероятно. Придется действовать на удачу и довериться интуиции, единственному доступному сейчас оружию.

- Что старина Гаррет, - усмехнулся я про себя, - рискнем?

Через минуту, обламывая ногти и сбивая колени, я карабкался по выщербленному камню. Мастера Ордена не погнушались использовать подземную скалу и часть помещений вырубали прямо в камне. Но строительство – самая священная и почетная задача Ордена, должно представлять символ упорядоченности. Поэтому сколотую кирками поверхность скалы облицевали прямоугольными плитами туфа, украсив полосами резного мрамора каждые двадцать рядов. От сырости и времени часть облицовки осыпалась, и я использовал образовавшиеся выемки, как опоры для рук и ног.

Главное не сорваться – прыжок в воду с такой высоты – гарантированная смерть. Футов через двести я понял, что мышцы одервенели окончательно, а экзекуция в Квартальной тюрьме здорово подорвала мои физические возможности. Глаза заливал пот, я не чувствовал пальцев на ногах, к тому же стена оказалась вогнутой. Рано или поздно я обязан был сорваться, и я сорвался.

Ряд плит под моими ногами не выдержал и обвалился. Приличный участок облицовки внизу пошел волнами, скрежеща и лопаясь под собственным весом. Наконец поверхность вспучилась, и огромная масса камня низверглась в воду, отозвавшуюся гулкими всплесками. Некоторое время я висел на кончиках пальцев, цепляясь за более прочно посаженный ряд мрамора, пока правая, покалеченная рука не взбунтовалась против своего хозяина. Пальцы разжались и я полетел вниз, в темноту.

Спасло меня то, что падая, я размахивал руками как идиот, а не последовал логике и не сгруппировался для вхождения в воду. Левая рука мертво вцепилась в болтающуюся с потолка цепь, и я повис как окорок в котильне. Черт. Эта проклятая цепь может свисать и с деревянной балки, не так ли Гаррет? А если балка окажется же гнилой, как и все в этом проклятом Бонхорде?

Я что есть силы, полез вверх по цепи. Меня здорово раскачивало, натянутая цепь дважды проседала сильными рывками, так, что у меня захватывало дух, сверху что-то сыпалось, по затылку стучали мелкие камни. Я лез и лез, перебирая руками и ногами, и когда мне стало казаться, что цепь никогда не кончится, я уперся головой в ту самую балку. Дерево выглядело крайне паршиво, мощные скобы, которыми цепь закрепили на брус, почти выскочили из трухлявых гнезд. Оседлав балку, вмурованную

другим концом в стену, я тяжело дышал, кашляя и поминутно сплевывая каменную крошку, скрипевшую на зубах. Внезапно балка подо мной резко просела так, что я чуть не нырнул головой вперед. Ржавые скобы лопнули и цепь с лязгом и грохотом ушла вниз. Я забыл даже дышать. Единственной ободряющей новостью было то, что едва скосив глаза направо, я видел место, куда меня так нелепо несло. Пятно спасительного мрака.

- Однако это несусветное небрежение, извольте не шуметь, в стенах сей обители – строгий голос заставил зашевелиться волосы на моей голове.

Вот демоны, угораздило же меня!

Прямо передо мной в грани внутреннего периметра Зала я рассмотрел окошко. Некогда забранное цветным витражом, сейчас оно было разбито, но я отчетливо различил выбитый в стене знак Молота. Очертания священного символа подрагивали, словно воздух в жару и я осознал, что является помехой для моего созерцания. Внутри небольшой комнаты расхаживал призрак священника Молотов и заложив руки за спину, наставительно вещал.

- Послушнику Ордена Молота негоже так поступать! Книга Догм велит карать ослушавшихся строжайше, но пока послушник несет почетное бремя обета молчания, можно ограничиться лишь поркой и очистительными молитвами тридцать на день. А в случае, если покой обители оскверняет чужак или вор, то тогда...

Что будет тогда, я не услышал, внутри комнаты загрохотало, послышался звон бьющегося стекла и многоголосый хохот. Потом за окном пролетело несколько предметов, стены задрожали, страшные завывания и звон цепей заполнили Залу Эха и моя балка выдвинулась из стены примерно на десять дюймов.

В комнате неистовствовал мертвый Священник Молотов. Это есть его призрак. Стены комнаты покрыты символами Молота, дверь замурована и мертвый Священник не может выйти. Но вот если он выглянет в окно...

Я снова вцепился в стену и пополз к пятну, которое теперь отчетливо напоминало дренаж.

- Да не осквернишь ты дома мною построенного, - бесновался Мертвый Священник, - да не совершишь ты кражу, или иной нечестивый поступок, - стены вновь заходили ходуном, - а не то сражен ты будешь, и попадешь туда, где земля язычников поглотит тебя!!!

-Оооооооо, - донеслось сзади, когда я уже был в тоннеле, а наружу торчала лишь задница.

-Нашоооооо – оол, - пробасил призрак, захлебываясь истерическим хохотом.

Извернувшись, я успел рассмотреть, что из окна торчит рука и голова призрака, трясущиеся стены его склепа покрылись трещинами и Священник вот-вот вырвется. Я понял, что неистовство и ненависть призрака спрессовались за столетия в мощь, способную преодолеть защитные молитвы Ордена Молота. И вся сила Мертвого Священника обратится на меня, вора, укравшего покой его извращенного духа.

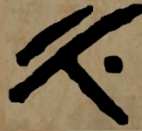
Я что есть силы оттолкнулся ногами и нырнул в темный проем. Так и есть – дренаж. И к моему неудовольствию все еще действующий. Руки лишь скользили по осклизлой жиже, наросшей на стенах, я катился вниз, ускоряясь с каждой секундой, ударяясь о стены головой и душил подкатившую панику. Когда, наконец, мне удалось взять себя в руки и сгруппироваться я вылетел из тоннеля, подобно пробке из бутылки.

Прорвав своим телом ветхий гобелен и намотав на ноги изъеденные молью знамена я врезался плечом в каменный саркофаг, перетянутый солидными цепями.

Из саркофага засипело, заскрипело, послышалась угрожающее бормотание и бряцанье. Я благоразумно решил не испытывать судьбу и освободившись от штандартов, покрытых геральдической показухой покинул помещение, пнув что есть силы болтающиеся на ржавых петлях остатки двери.

Пока мне везет. Я попал напрямик в нижнюю секцию Залов Покоя и Разносящегося Эха, откуда несложно добраться до раки со святой водой. Однако теперь, оказавшись в громадном, открытом помещении нужно утратить внимание. Тут повсюду шныряют охочие до человечины мертвяки и они будут рады гостю.

Я слился с тенью, и мягко ступая по шершавым от времени мраморным плитам, продолжил свой путь.

Первых зомби я почувствовал через двадцать шагов. Судя по запаху и мерзкому жужжанию мух, мертвяки были довольно свежие. Место для прогулок они выбрали неудобное – парапет, ограниченный справа стеной обрывался слева в тысячефутовую пропасть. Зомби молча сходились посреди разделявшей две секции усыпальниц террасы, тыкались друг в дружку, и бестолково топтались на месте. Потом, как по команде, вдруг разворачивались и неспешным шагом, подволакивая ноги, расходились. Один не доходя до меня, по известной лишь ему причине вновь разворачивался и шагал в обратном направлении. Его партнер в этой незамысловатой игре так же выплывал из мрака противоположного конца прохода назад, и все повторялось раз за разом. Истлевшие обрывки одежды относили их членам богатых семейств и была налицо принадлежность тел к обоим полам. Подобным образом, они наверняка развлекались и при жизни, на балах и приемах, только теперь обменивались не поцелуями а мухами.

Я притаился в нише, отгородившись от нежити осыпавшейся статуей, и оценивающе созерцал неуклюжие пируэты. Слишком неуклюжие. Пересечь маршрут парочки и вернуться от их растопыренных конечностей невозможно. В другой ситуации я бы рискнул, но вблизи нежить могла учуять продолжавшую идти носом кровь. Поэтому, уловив момент, когда ближайший зомби прошаркал в футе от моего убежища, я от души пнул его в живот. Что-то там у него хрустнуло, и мертвец по широкой дуге полетел вниз, раскинув гниющие руки. Конечно, его тлеющий разум отметит, что в гостях живой. Зомби обязательно сюда вернется, только с его скоростью и запутанностью лабиринтов Бонхорда, путь займет не меньше недели.

Ковыляющую партнершу, пропажа кавалера не смутила. Побитая разложением дама начала длинный путь мимо меня навстречу своему безносому другу. Вот и отлично. Не люблю применять силу в отношении женщин. Даже мертвых.

Сразу за террасой, между двумя опорными колоннами втиснулась небольшая металлическая дверь. Я не знал что внутри, но табличка «Службное помещение» смотрелась бы на ней уместно. Самое забавное, что наполненные всевозможными ценностями недра Бонхорда не оборудовали даже решетками, а вот такие подсобки, пижонили не только коваными створами, но и сигнальными системами, сообщавшими наверх о вторжении. Странные они ребята - суровые адепты Молота. Я грезил об отдыхе в безопасном месте, почему бы не использовать подвернувшуюся возможность? Отпереть стальную дверь можно и с тем, что оказалось под рукой – детали, оставшиеся от пряжки, гвоздь из сапога, медная чаша, зажатая между дверью и моим ухом, позволяющая контролировать перемещение деталей начинки запорного механизма. И конечно же солидная порция отборнейшей брани, не раз служившей подспорьем в тонком искусстве взлома замков.

Такому мастерству меня Хранители научить не могли. Я успел постичь многое в их Швердыне, скрытой от посторонних глаз. Я даже поверил в то, что их миссия благородна, пока не вник в методы. Хранители были отлично осведомлены о многих вещах, происходящих, или предсказанных в их книгах. Но они ничего не делали, прикрываясь верой в баланс и невмешательство. За них все делали другие. Невинные, непонимающие исполнители, гибнущие во имя чужих идей. Жалкие марионетки в руках всезнающих мудрецов. И я послал Хранителей ко всем демонам и ушел. Навыки, полученные в стенах Швердыны, помогли взяться за старое и стать прекрасным вором. Мастером Вором. Я уж один мастер с большой буквы всегда поделится с другим. Хоть бы и искусством медвежатника. Особенно с таким стимулом, как золото и кинжал, приставленный к горлу...

Разобравшись с замком, я проник внутрь. Сразу засветил настольную лампу, наполнив ее маслом из канистры в углу, заложил тяжелым засовом дверь.

Огляделся. От петель в потолочные каналы серебрились тонкие нити. Сигнализация. Представляю, как повалился с табурета скучающий дежурный Брат, услышав звоночек из давно молчавших сдвепов. Шило в зад и ворох идиотских отчетов, ему гарантированы. Злорадствуя о доле безымянного бедняги, я в изнеможении растянулся на лавке.

Да иди все к демонам сквозь темный лес, надо выспаться. Как знать, что сейчас наверху – луна и фонари или яркое солнце. Интуиция молчала, внутренние часы разладились, да и мне было просто плевать. Необходимо отдохнуть, привести мысли в порядок, чтобы взять под контроль стремительно развивающиеся события. Со мной всегда так. Сколько себя помню, живется мне беспокойно. Внезапно, впервые за много лет, я изумился, что не представляю, как выглядит Город при дневном свете. Работа только ночью, встреча с клиентами в сумерках, чтобы не видели лица. Объекты непростых заказов разбросаны по всевозможным заброшенным, малоприятным местам. Катакомбы, сдвепы, оставленные жилища, дремучие леса, убежища пиратов, – достопримечательности не для слабых желудком... Единственные люди, с которыми можно было безопасно общаться – Хранители, жутко любили таинственность, надрыв в речах, загадки, даже одевались соответственно. Друзья... Да какие у меня друзья? «Подельники» как характеризуют эту публику шерифы. Кроме, пожалуй, Бассо. Знатные и не очень особы, которым я помогал, вытаскивая из переделок – благодарили, улыбались, совали золото, но норовили избавиться от моего присутствия, как можно быстрее. Как говорил один мой клиент – «Милый Гарриет – сделай так, чтобы я тебя долго искал»... В общем, злые места, темные люди, темные лица, темные дела, темные помыслы... даже единственный воплощенный бог, Обманщик – Лорд Древо, которому я малость напакостил, оказалась весьма отталкивающим субъектом с чисто человеческими амбициями и крайне несимпатичным окружением...

Меня всюду окутывает тьма... мы с ней партнеры. А Городом владеет алчность, невежество и тоска. Только единицы стараются держаться от разлагающей общество заразы как можно дальше, а у остальных эта дрянь въелась в мозги.

И как бы я не хорохорился и не выпячивал свою независимость, Хранители отчасти правы. Во многом благодаря моим асоциальным талантам этот проклятый Город еще спит, жрет и размножается, отбросив недоступное и непонятное подбрюшье мира, с которым я часто имею дело, в разряд суеверий и мифов. А мне плевать на неодобрение не меньше чем на дифирамбы. Таков мой удел. К тому же благодаря проблемам Города я не теряю форму, не деградирую до уровня карманника или скажем грабителя, как многие разочаровавшиеся и потерявшие вкус к жизни профессионалы.

Вот вам и равновесие господина Хранители... Вот вам и невмешательство...

Храм молота.

Первосвященник дочитал страницу «Практика о предписаниях» и, отложив книгу, взмахнул небольшим бронзовым колокольчиком, призывая библиотекаря. В стенах нового кафедрального собора иерарх воплотил свою давнюю мечту – собрал огромную библиотеку. Хранилища вобрали в себя архивы Братства, многие свитки из которых считались утерянными, полное собрание Догм Молота, Практики о Предписаниях, Режиме и Правилах поведения, рукописи святого Йоры и пророка Меремии. Там хранились даже запрещенные «Письма Кузнеца в Изгнании», не говоря уже о свитках и манускриптах Караз - Дина и книгах язычников. Если объемом библиотека Ордена уступала Великой Городской, то редкостью и ценностью хранимых экземпляров превосходила многократно.

Впрочем, и вмещающий библиотеку собор поражал величолепием. Оправившийся после раскола Орден уничтожил все постройки Механистов и Братству требовались не только места для прихожан, но и демонстрация мощи Ордена. Первоиерарх пошел на компромисс с Бароном в вопросе технологического наследия Механистов и оставил Городу все паровые устройства, машины и механизмы, в обмен на финансовую помощь. Так началось возведение собора.

Постройка началась с хоровой части, и двух башен по краям фасада, с местами под колокола. Затем возвели западный портал, богато украшенный скульптурами Мастера Строителя и святых

пророков. Наконец собор начал принимать задуманные очертания, представляя собой положенный на землю молот. Колоссальную массу здания украсили снаружи множеством опорных пилостр, башенок, барельефов, галерей и сквозных решеток. К прошедшей весне мастера завершили отделку внутренности храма и предоставили здание для служения Строителю.

Первосвященник залюбовался витражами, вставленными в громадные окна северного нефа, пропускающими в собор мягкий свет, играющий на его стенах разными оттенками, меняющимися с часами дня. Как назло, солнце в этот момент зашло за башню городской ратуши, и закрыла лик Строителя огромной уродливой тенью, похожей на распускающийся лист. Предстоятель поморщился – он не любил подобные знаки, и как его предшественник презирал предсказателей.

Явившийся наконец послушник-библиотекарь принял из его рук том «Практика о предписаниях». У служки еще не закончился положенный обет молчания, он просто низко поклонился, и пятясь вышел вон, уступив внимание первоиерарха новому посетителю.

- Докладывайте Старший Инквизитор Мортвилд.

- Брат! Молотом и Долотом, силой Строителя... я принес дурные вести, но они пришли вовремя. Не смотря на всю выдержку и опыт, Первосвященник ощутил, что в нем разрастается гнев.

- Что выяснили Братья?

- В лесах беспокойно, язычники трактуют Ещенерукопись вновь. В Потерянном Городе несущие тяжелую епитимью отвергшие Шестерню и вернувшиеся в лоно веры Братья наблюдают странные явления. Рыбьеголовые покидают Затонувшую Цитадель, были случаи нападения на рыбаков в доках. Миссионеры Ордена в Блэкбруке не посылают вести уже два месяца, по-видимому, схвачены и казнены...

Предстоятель, казалось, превратился в изваяние.

- И самое важное, Брат. В Крагсклефт везут очень важного пленника. Под пытками, он проговорился, что встречался с друидой...

- Что? Этого не может быть! – Первосвященник резко повернулся к Инквизитору лицом, и вкинул бровь, - Друида в Городе?

- Простите Брат, - Инквизитор опустился на колени, - я опасался утечки, пленник лишен возможности говорить в пути. Лучшие Братья...

- Довольно! – рукав белоснежной сутаны взметнулся над головой коленапреклоненного Ордена, - представьте мне письменный отчет и дождемся допроса.

- Молотом Строителя...

- И Долотом Его, Брат Инквизитор... ступай...

Первосвященник Брианан улыбался...

Рамирез

Кой черт ему понадобилось встречаться именно здесь. Рамирез в который раз за вечер приложился к горлышку. Бидлебонг, который торговцы видимо путали с жидким золотом и ломали цены за редкое кентаврское бренди просто безбожно, обжег глотку. Но Рамирез даже не заметил. Кой черт. Изгорный дом Фэндон, единственное заведение Баффордов, сохранившееся до сих пор в их собственности, Рамирез когда – то курировал лично. Шут его даже табуретки помнили, не говоря уже о престарелом управляющем Джинни, а этот идиот Пэсли вызвал бывшего Заправилу сюда. Поэтому, Рамирез присел в самый темный угол, нахлобучил, берет на голову по самые брови, и угрюмо потреблял редчайшее бренди, ожидая собеседника.

Теперь он не нуждался в деньгах и мог позволить себе хоть знатную шлюху, хоть собственного зверя для Медвежьих боев, хоть дорогое пойло. Но в этом Городе не вкус все казалось вымоченными в алхимической кислоте стальными стержнями. Кой черт...

Несмотря на страх Фамиреза, в нем мало кто мог разглядеть бывшего ночного Лорда. Ненависть раздавила его личность, лишения и пытки искорежили плоть, и только сжигающая остатки души жажда мести позволяла Фамирезу находиться в этом проклятом Городе.

Когда из подвала раздался рев десятков восторженных зрителей и Джинни возвестил о начале приема ставок, наконец явился Тэсли. Он со спокойным видом уселся напротив, брезгливо отставил недопитую бутылку и изобразил на лице крайнюю степень внимания.

- Демоны, он даже не сподобится вопросы задавать, - проворчал про себя Фамирез.

Но человек из Блэкбрука никогда не делал лишних движений. Только ставил задачу и принимал отчет. Правда расплачивался золотом и информацией с необычайной легкостью, и Фамирез находил странным, как Тэсли мог чего-то не знать.

Тм, Тэсли... интересно это псевдоним, или у них там, в Блэкбруке, у всех вместо имен собачьи клички?

Проводив взглядом последних скрывшихся в подвале завсегдатаев медвежьих боев Фамирез начал.

- Информация абсолютно достоверная. Источники – архивариус Департамента Общественных работ. Отравлен мною. Хранитель Иффор – убит в якорьбы случайной поножовщине. Дневник Брата Джойса, украденный из его кельи. Следы унес пожар. Протоколы расследований в хранилищах Городской стражи. Вор – исполнитель убит. А также перекрестные данные из болтовни городской знати. За надежность сплетен не ручаюсь, однако суть у всех на виду. Ниточек ведущих ко мне нет. - Фамирез сразу переключился на деловой тон, стараясь поймать реакцию Тэсли. Но тот будто проговаривал про себя, повторял и пробовал на вкус слова Фамиреза.

Бывший Городской Заправила не раз замечал эту особенность Тэсли и теперь знал, что в голове его благодетеля, партнера и, что там говорить, хозяина, кипит бурная аналитическая работа.

- Продолжай, - Тэсли прикрыл глаза, откинулся на кресле и перебрал пальцами в воздухе, - только кратко и факты.

- Извольте. Город на грани анархии. Барон умирает, не имея наследников не по одной из генеалогических линий. На трон претендуют семь семей, так что будет грызня, возможно гражданская война. Городская стража коррумпирована и недееспособна. Единственную реальную силу представляет группа молодых офицеров, собирающая вокруг себя лояльных центральной власти военных. Придерживаются собственного кодекса чести. Идеальный вдохновитель – талантливый офицер, Илбис Труарт, сын покойного шерифа Труарта. При поддержке простых горожан, назначен шерифом Шоулсгейта, этой весной.

- Интересный человек, - вставил Тэсли, - надо найти к нему подход, Фамирез. Ниточки, мелкие неприятности, связи с, хм... продажными женщинами, семейные тайны. Непременно займитесь им... Впрочем продолжайте, я слушаю.

- Далее, - кивнул головой Фамирез, - Орден Молота. Религиозно-военная организация, частично исполняющая функции исполнительной, законодательной и судебной власти.

Имеет собственную систему исполнения наказаний - Инквизицию. Вам известна тюрьма Крагсклефт - это их вотчина.

В результате последней войны с язычниками, одержавший верх, но обескровленный, Орден Молота раскололся. В результате дробления Ордена и отделения секты Механистов доверие горожан к организации подорвано.

Кратко о сути событий. Брат Каррас подчиняет секте всех Молотов занимающихся развитием технологий и захватывает власть в Ордене. Ведет крайне эффективную борьбу с язычниками, благодаря новейшим военным разработкам. Оказывает воздействие на политику городских властей посредством покойного ныне шерифа Труарта. Завоевывает популярность у знати, одаривая благородных механическими новинками. Скрытая цель – насильственный захват власти, посредством встроеного во все механические устройства оружия колоссальной мощи. Название – Ржавильный газ. В настоящее время образцы оружия и способ изготовления утеряны. Брат Каррас

погиб от собственного изобретения. Оставшиеся Механисты в ссылке, но продолжают заниматься наукой под присмотром Ордена Молота. Новый Первосвященник умен и решителен, но ресурсы Ордена истощены. В настоящее время Орден лишен серьезного влияния, и опасности не представляет.

- Эти недалекие фанатики, представляете Рамирез, всюду суют свои лапы, - недобро улыбнулся Тэсли, - заявили в Блэкбрук еще по весне и принялись насаждать свои порядки. И вместо того, чтобы начать цивилизованные переговоры с графством, на предмет поставок механизмов, ворвались в изысканнейший бордель и перебили тамошних девиц и постояльцев. Никак не могу взять в толк, как эти дуболомы имеют такие потрясающие успехи в науке и механике...

- В этом Городе все ненормально, развел руками Рамирез, - но... богатство Города неоспоримо...

- Это поправимо, вновь улыбнулся Тэсли, - так вы говорите это... мм... оружие действительно утеряно? Жаль, жаль, - покачал головой Тэсли в ответ на утвердительный кивок Рамиреза, - продолжайте...

- Итак, Язычники, кровные враги Ордена, - продолжил отчет Рамирез, - в основном грязные, неграмотные крестьяне, за которых думают шаманы. Поклоняются Обманщику, которого называют то Лордом Древо, то Пасечником, то Человеком - Листом. Настаивают, что Город видел воплощение их бога, в виде человека по имени Константин. Политика толерантности Барона позволила добиться шаманам - язычникам официального статуса, в обмен на запрет практической некромантии.

В настоящее время обладает большим ресурсным, магическим и человеческим потенциалом. Однако находятся под пристальным наблюдением Ордена Молота, не разделяющего инициативы Барона. В случае попыток захвата власти будут моментально уничтожены объединившимися силами армии, Ордена Молота и дружинами лояльной Ордену знати.

- Мы перешли в область городских легенд Рамирез?

- Ни в коем случае, - уверенно сказал коротышка, - я плотно сотрудничал с шаманами, они действительно умеют... многое. В некоторые вещи я сам не верил, пока не увидел собственными глазами.

- Я доверяю вам, - бросил Тэсли, - и тем не менее Город полон тайн и сказок, почище плясок шаманов, например эти, - он пожевал губами, - Охранники?

- Ах да, Хранители... Некогда тайная организация, служащая неким буфером, между Молотами и язычниками. Методы смутны и неясны. Ведет сбор информации, знаний и собирает их в обширные библиотеки. Мощь основана на использовании иероглифической магии - Глифах. В настоящее время их магия не функционирует.

Кратко о сути событий. В организацию проникает сильная ведьма, принявшая облик одной из ее членов. Вероятно действовала в одиночку. Подчинила себе провидец - интерпретаторов, верхушку правления и Глифы. Была раскрыта и уничтожена. В результате все Глифы перестали работать. Последние Хранители уничтожили свои архивы или надежно их укрыли. Местонахождение членов организации на сегодняшний день не известно. В настоящее время не имеет никаких ресурсов и влияния, опасности не представляет...

- Тогда не будем брать их в расчет, повторяюсь, - это мифы.

- Тогда это все, - Рамирез постучал пальцами по столу, стараясь не замечать пристального взгляда своего визави.

- Вы о чем-то недоговариваете? - улыбаясь поинтересовался Тэсли. - поясните, будьте добры. И если можно, ваши собственные выводы из всего перечисленного.

Рамирез попытался сглотнуть, но пересохла глотка подчинилась только после встречи с бутылкой... Демоны... Этот человек просто кусок пронциательности!!! Рамиреза охватило бешенство...

- Вы как всегда правы. Но данные невозможно проверить подтвердить или опровергнуть, все на уровне сплетен и баек среди черни. В изложенных мной событиях, замешан человек, которого вы так любезно подарили.

- Хм, любопытно... Гаррет, если не ошибаюсь?

- Именно.

- И все же позвольте поинтересоваться вашим, так сказать, личным резюме...

Акцент Тэсли начинал раздражать, и уже захмелевший Рамирез ответил коротко:

- Город можно брать хоть завтра. Голыми руками.
- Чудно, вы отлично поработали. Остаются последние штрихи, немного вашей неоценимой помощи...
И вы либо граф Блекбрука, либо здешний Барон, как вам заблагорассудится...

Гаррет

За дверью кто-то был. Еще не отошедший ото сна я мгновенно это понял. Ничто не издавало звуков, коктейль из запахов не изменился, но я отчетливо ощущал чье-то присутствие. Нечто за гранью контроля и восприятия заставило меня замереть на жесткой лавке и уставиться на покрытую ржавчиной дверь.

Страх сдавил в ледяных объятиях мое сердце.

Я перестал дышать, шевелится, даже мысли появлялись как-то вскользь и испарялись. Руки и ноги стали ватными, пальцы заходили ходуном, на лбу выступила испарина.

- Там никого нет, там просто никого не может быть, - прошептал я зачем-то.

Во мне исчезло все, что отличает человека, от других земных тварей. Я превратился в скулящее, поджавшее хвост животное. Разум волновала лишь одна паническая мысль – найти убежище, забиться, спрятаться, притвориться мертвым, пусть даже умереть, только бы исчез этот безграничный, охвативший всю вселенную ужас. Безумие полностью овладело мной я начал шарить вокруг себя, пытаюсь на ощупь найти что-нибудь острое, чтобы перерезать себе вены и никак не мог оторвать взгляда от двери.

Ручка медленно поползла вниз.

Я завопил.

В приступе того, что осталось от самосохранения я швырял в сторону двери все что попадалось под руку, лавку, масляные лампы. Об металл грохотали ведра, столик, тяжелый табурет...

- Не наааааааа – вырывалось из моих легких... пожалуйста не надо...

Я заметался по комнате, разбил голову об стену, в руки прыгнул, будто сам собой, чей-то швейный набор, я разорвал его, выдернул из петли ножницы, ткнул ими себя в грудь несколько раз, разглядел что держу их не за тот конец, раскрыл лезвия, развернул к себе широко размахнулся...

И тут все кончилось.

Холодная ясность рассудка, ошеломила меня сильнее, чем внезапно прошедший приступ. Не смотря на истерику я четко запомнил траектории движений всех летевших в дверь предметов и как не знающий сбоя автомат Механистов начал действовать.

Я поставил на ноги стол, придвинул табурет, поставил на стол лампу, женское зеркальце с дарственной надписью развернул кожаный чехол швейного набора. Вынул самую тонкую иглу. Стараясь не смотреть себе в лицо сосредоточил взгляд на механическом глазе.

Как человек вынимает из живого глаза мешающую видеть соринку, я извлек застрявший между лепестков диафрагмы металлический заусенец. Потом по очереди раскрыл иглой лепестки, что соответствовало максимальному раскрытию зрачка в органическом глазе. Запрокинув голову капнул из мензурки с запальным керосином внутрь механического глаза, подождал, резко опустил голову.

Попеременно напрягая мышцы лица, как учил меня Каррас, повернул глаз несколько раз в глазнице, выключил лампу, закрыл живой, левый глаз. В абсолютной темноте я видел все вокруг как в ранних сумерках. Повернул голову к уже совсем не внушающей страх двери опустил взгляд на замочную скважину в ручке сделал максимальное приближение. Сидя за два метра от двери я видел через маленькое отверстие для ключа противоположную стену коридора и медленно колышущиеся на ней волоски мха.

Встал. Механический глаз с готовностью подчинился, не обнаруживая никаких сбоев, и теперь когда мне не нужен был свет лампы, я аккуратно, как у себя дома разложил все разбросанные вещи ровно и

точно на те места где они находились в момент моего проникновения в каморку. Сел на лавку. И только тогда позволил себе немного «поплыть».

Что это было? Откуда такая паника? Со мной такого не было никогда, потому что не могло быть. Хранители обучили меня многому, в том числе и контролировать сильные эмоции, такие как страх. Откуда после полу животного состояния, пришло абсолютное спокойствие? Почему «гость», способный так влиять на разум не проявил агрессии? Не мог? Но он мог заставить меня открыть дверь. Что все это значит и как теперь обеспечить себе безопасность? С другой стороны ручка поворачивалась, я четко это видел. Значит это нечто имеет тело. А если есть тело, то его можно убить.

Сейчас на мои вопли спешат десятки мертвецов. Нужно срочно литься. Сменить неудобные сосуды в карманах, на практичную маленькую канистру, которых тут полно и хилить отсюда во всю прыть к святому источнику. Время пошло.

Рамирез

Рамирез всегда очень остро чувствовал слежку. Он шел на встречу со своим информатором, на ходу прикидывая как поделекатнее от него избавиться. В момент, когда он определил, что забросить тело за Баррикады сложнее, но надежнее, чем популярные в этом вопросе коллекторы, в затылок впился чей-то внимательный взгляд. Как не вовремя! Нужно устранить информатора сразу после выполнения задания, пока он не начал трепать языком, и это следовало сделать немедленно.

Оглядывая сад Истпорта, щеголявшего Древами Краеугольного Камня Рамирез приготовился к схватке с неизвестным соглядатаем. Судьба лишила его многого, но не умения уходить от слежки и искусства владения кинжалом, которым он прорубал в молодые годы дорогу к теневой власти. Якобы случайно обронив полновесный золотой на брусчатку он сделал еще пару шагов, чтобы в свете фонаря лучше читались наигранное удивление и досада, перекосившие лицо Рамиреза. Теперь внимание шпиона, по мнению бывшего Заправилы, займет не слежка, а желание походя утяжелить карман неожиданным богатством.

Он согнулся, изображая поиски укатившейся монеты, и озираясь, приблизился к парковым деревьям. Во мраке густых крон, Рамирез резко выпрямился и абсолютно неслышно побежал назад вдоль дорожки. Через двадцать шагов он крадучись приблизился к месту, откуда золотой кругляш виднелся как на ладони. Следящий не показывался. Рамирез решил сменить наблюдательный пост на тень от ствола дерева, и еще немного постояв, решил, что ему причудилось, или его потеряли. Заправила выругался, отвел глаза от яркого пятна фонаря, прилично слепившего его, и шагнул к мостовой. Вдруг дерево, служившее ему укрытием, издало протяжный скрип. От неожиданности Рамирез оступился и рухнул в кусты.

Чертыхаясь и кляня себя за мнительность, он попытался подняться, но руки запутались в ветвях. Судорожно дергаясь, Рамирез ощутил, как тонкие веточки уже обвили его шею и начинают медленно стягивать горло, а листва забила рот и не дает даже мычать. В агонии он яростно задергался, засучил спутанными ногами, в тщетной попытке вырваться.

Уже через минуту веселая, зеленая и так приятно пахнувшая трава полностью скрыла его тело.

Гаррет

Мертвяки зажали меня в двух шагах от цели. Растворяясь в тенях я не позволял им видеть или слышать меня, но справа их набралось пара дюжин, слева и того больше, а из гулких коридоров уже

доносился звон колычуг бегущих Хантов. Своими воплями я разворошил их гнездо. Единственный проход за спиной был тупиком. Дело дрянь.

Еще несколько минут зомби будут идти навстречу друг другу, потом столкнуться и начнут разбредаться в разные стороны. И по закону подлости, или теории вероятности, как кому нравится, хотя бы один из толпы вонючих трупов наткнется на меня. А там и кавалерия подоспеет. Тогда прощай Гарриет - тень. Наигравшись, зомби радушно примут тебя в свою не теплую компанию. Такая вечность мне как-то не по душе.

Повинуясь инстинкту самосохранения я упрямо искал лазейку. Трещина в стене, выщербленный участок кладки, замаскированный лаз, все что угодно, лишь бы отсрочить неизбежную и страшную смерть. В конце концов я начал пятиться, загоняя себя в тупик погребальной залы. Лихорадочно соображая что можно предпринять, имея только кусок веревки из недоброй памяти кладовой я медленно двигался назад. Получалось, что можно только повеситься. Но и это лучше чем быть заживо сожженным и перерожденным.

Пятясь, я почувствовал, как плита под ногой щелкнула и плавно пошла вниз. Я инстинктивно бросил тело в сторону, изогнувшись так, что затрещали позвонки. Над головой прогудел огненный шар, размером с мою голову, на затылке затрещали волосы. Ловушка на мародеров могила!

Шар пламени миновал арку входа и угодил оказавшемуся на траектории зомби в живот. Яркий взрыв, и беднягу разорвало на куски. Определив мое местонахождение второй мертвец с растопыренными руками заковылял в проход, наступил на плиту и его постигла та же участь.

Через минуту на активизирующей магическое устройство секции пола лежал обломок надгробной плиты, и шары вылетали не переставая. А я, сидя на могиле рыцаря, поразившего, судя по надгробной надписи целую дюжину зомби, нещадно бил его рекорд.

Мрачная картина. Мертвецы отказывались понимать что происходит с их братьями и гуськом потянулись в проход. Было что-то жалкое в их бессмысленном стремлении к своему окончательному концу. Когда я прикрывал глаза от нагревающегося с невероятной скоростью воздуха и наблюдал сквозь ресницы, картина происходящего непостижимым образом преображалась.

Казалось, что передо мной живые люди, одетые в самые красивые и дорогие платья и камзолы не для погребального ритуала, а для пышного праздника. И что идут они, глупые, наивные, навстречу своим мечтам – богатству, славе, роскоши, признанию, власти... И вся эта мишура, распаленная пламенем алчности, сжигает душу человека до тла. И этот человек, медленно и слепо бредущий, без участия злой магии, сам, добровольно становится мертвецом при жизни. И вслед идущий, видя что происходит, понимая, даже порицая, ступает в то же пекло.

Чем эти зомби отличаются от тех? Какая магия, какая вера может избавить человека от страстного, слепого, многовекового стремления к жадности, гордыне, саморазрушению и деградации...

От невеселых мыслей меня отвлек первый Хаунт. Магия Обманщика превращала ненавистных ему Молотов, в быстрое, смертоносное, неуязвимое для простого оружия существо, от которого невозможно убежать, от которого сложно спрятаться, даже Скользящему в тенях. Хаунт был облачен в красно – белую храмовую рясу, одетую поверх прочной колычуги, поэтому огненный шар не уничтожил его сразу. При невероятной скорости мертвец был способен проскочить ловушку даже после нескольких попаданий сгустков огня. Но Хант безнадежно застрял в месиве останков зомби, горящего тухлого мяса и костей, завалившем проход уже наполовину.

Вскоре колычуга на нем расплавилась, Хаунт рухнул на гору трупов и больше не двигался. Прискакали еще трое его братьев, но они сильно мешали друг другу в стремлении достать меня, толкались, тоже увязли и сгорели. На этом поток нежити иссяк.

Я покинул нагретое от огненного шоу помещение, преодолевая тошноту, перелез через гору смердящих останков и уже через две минуты стоял перед ракой. В раке весело журчал фонтанчик, и если в этом мире есть хоть что-то незыблемое, то эта вода была освященной. Значит, я нахожусь в самом безопасном в Бонхорде месте.

Очень хотелось пить. Но это для Братства, святая вода – благословенный источник сил и инструмент отпущения грехов. А такому еретику как я от пары глотков станет как минимум дурно. Даже прикосновение вызывает легкое покалывание в пальцах. Строитель в лице своей паствы меня недолюбливает. Даже после того как я оказал Ордену Молота пару весьма неоценимых услуг. Придется подождать, пока набранная в кубок вода потеряет свои свойства в месте, пронизанном магией Обманщика и станет пригодна для питья. И скоротать время вспоминая кратчайший путь к телу Адольфо.

Перебирая в памяти картины бесконечных коридоров Бонхорда, припоминая расположение ловушек, тупиков и скрытых тоннелей мой взгляд блуждал по комнате.

Что – то было не так.

Появилось чувство, сродни тому страху, что я испытал в подсобке Братства, но какое-то смазанное, размытое, больше похожее на легкое беспокойство. Я внимательно осмотрелся.

Рака, с чуть мерцающим содержимым, фреска, изображающая Строителя, изгоняющего Обманщика, каменное изваяние священного молота в нише, стрельчатый проем входа, куча тряпья у стены, моя канистра, брошенная на пол, еще один молот в стене, снова Рака.

Все в порядке, нежитью не пахнет, живых просто быть не может, страшный гость не ощущается.

Я встал. Опасаясь зомби приготовился окропить святой водой все окрест. Обошел комнату по кругу.

Чувство беспокойства усиливалось у входа, но снаружи никого. Путь мой взгляд уперся в кучу барахла.

Из-под него торчали тоненькие молодые веточки и, демоны меня побери, листья!!! Что за бред!!!

Я слишком устал, чтобы бояться. Мне просто плевать. Я столько раз за сегодня рисковал своей шкурой из-за реальной опасности, что всякие там загадочные неожиданности начали бесить. Чертовы тайны, чертовы знаки, демоны вас всех побери... достало!

В ярости я запустил руку в тряпки, нащупал что-то твердое и рванул на себя. Мешанина из ткани и листьевв распахнулась и я узнал Рамиреза.

Бывший Городской Заправила, знающий толк в моде, владевший по слухам самым впечатляющим и изысканным гардеробом в Городе был обнажен. Да и зачем одежда мертвецу? А Рамирез был не просто мертв, он был зверски изуродован.

Молодые побеги опутали его лодыжки и стянули их так сильно, что под ними лопнула кожа. По спирали ветви обвивали его ноги, закручивая их в зелено-коричневый, сплошной кокон, скрывая тело до тощего живота.

Листья, обильно залитые кровью налипли на грудь, как чешуя. Левая рука вывернута под неестественным углом в тщетной попытке разорвать перетянувшие шею лианы. Рот широко раскрыт, язык вывалился наружу как у повешенного, горло туго забито листьями.

Лицо мертвеца, представляло собой еще более жуткое зрелище. Закатившиеся глаза, по щекам змеятся бурые дорожки. И все, кроме высокого лба Рамиреза в запекшейся крови. А там, где агония исказила морщинами переносицу красовался похожий на перевернутую рыбу нарисованный глаз. Знак Обманщика.

Только взглянув на глаз я понял КПО напугал меня в камерке с лампами. Но как этот кусок мяса, обрубок человека, мог двигаться? Как он миновал снующих туда-сюда зомби. Кто вообще это с ним сделал? Похоже на ритуал язычников. Но меня могла так напугать только очень сильная магия... Простой шаман так не работает.

Обманщик и Дриада? Однако Лорд Хаоса мертв, я лично отправил его телесное воплощение восвояси. Виктория погибла от Ржавильного газа, в попытке остановить Карраса. Я видел ее смерть, дриада не могла выжить. Кто изувечил Рамиреза? Кто заклеил его знаком Хаоса?

И, главное, зачем?

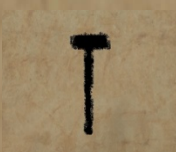
Я принялся тщательно осматривать тело Рамиреза. Изодранные бока, кое-где белеют торчащие ребра. Стертая кожа на ладони свободной, правой руки, ногти обломаны. Ветки по всей правой стороне тела тоже измочалены до белой сердцевины.

Характер следов вопит о том что Рамирез полз САМ! Но как? Настолько изувеченный человек не способен перемещаться. Он и минуты-то не протянет!

Мне начало казаться, что листья на груди прилипли слишком упорядочено, а кровь, вытекающая из-под них застыла слишком ровно. Я аккуратно отогнул один листик. Так и есть – руна. По мере освобождения груди Рамиреза от листьев и какой-то черной дряни, смахивающей на древесную кору, руны укладывались в связный текст :

В малой частице спряталась мать всех лесов,
В трепете Лист распустился, приветствуя жизнь
Камень на камень бездумно застлает, глупец
Пот что врагом был защиту в чаще найдет
В мести отшельник разбудит спящее зло
Пламень холодный ослепит, вскипит плоть земли
Жребий уж брошен, Древний прельщает сердца
Выбор за теми кто жаждет нечистой любви...

Суший бред в стиле Хранителей. Вот только прорицаний вырезанных на трупах мне не хватало. Я с ненавистью пнул тело Рамиреза. С меня довольно! Ну почему всякая дрянь липнет именно ко мне? Я залпом осушил кубок со святой водой, швырнул его в угол со всей силы, завинтил канистру и решительно направился на свидание с Адольфо.

Красклефт

В тюрьме творился суший бардак. Мало что рядовые братья, так и братья-инквизиторы не могли ничего понять. Сначала явился старший инквизитор Брат Мортвилд, устроил форменный разгон, полную проверку заключенных по описи. За небрежение несколько братьев были строго наказаны. Потом всем заключенным-язычникам и еретикам был вынесен смертный приговор, исполненный незамедлительно. Братья-палачи валялись с ног от усталости.

С уровня шахт потянулись зомби, одуревшие от запаха крови, началась резня. Двое братьев погибли, но тела были отбиты и спасены от перерождения. Караулы усилили вдвое.

Наконец к полуночи, когда все стихло, в обстановке высшей секретности привезли деревянный ящик в рост человека. Рядовые братья были распущены по кельям со строжайшим наказом не покидать их. Ящик отволокли в пыточную.

Под утро все вроде - бы успокоилось, удивленные и ничего не понимающие братья разошлись по постам. И тут явился Первосвященник.

Первые лица ордена редко посещали Красклефт, да и то не задерживались надолго, проводя время на верхних уровнях, подальше от воплей заключенных и грохота фабрики. На этот раз Первосвященник Брианан обошелся без традиционных благословений и коллективных молитв. В ордене с презрением относились к помпезности и официозу, но Первосвященники почитались особо, как сыновья Кузнеца. Но Брианан проигнорировал на сей раз приличествующие сану мероприятия и направился прямоком в пыточную.

Пленник висел на дыбе, растопырив руки и ноги. Нестриженные, немывтые волосы, клочковатая борода. На плечах и бедрах замысловатые татуировки, руны, между сосками Око Обманщика. Звериный взгляд.

Язычник как есть... не эти слабаки, что в Город поналезли, а из тех что рожден в дремучих левах, дремуче невежественен, но силен телом и черным своим духом...

Его явно допрашивали «с пристрастием», но было видно что за тем, чтобы он оставался живым бережно следят. Рядом находились братья-лекари суетливо осматривая раз за разом изможденное тело пленника.

Первосвященник прочел краткую молитву и кивнул Брату Мортвилду. Дело требовало присутствия минимума свидетелей, поэтому охрана, лекари, и все кто находился в пыточной камере, были удалены. Допрос и пытку Старший Инквизитор начал сам.

Он, демонстрируя знание дела, умело растянул пленника на дыбе, вращая ворот механизма, и снял заклинание молчания с губ язычника. Но тот не заорал от боли, а с кривой ухмылкой плюнул под ноги инквизитору. Брат Мортвилд невозмутимо повернул ворот настолько, чтобы с сухим щелчком, конечности пытаемого выскочили из суставов. Пленник зашипел от боли, но продолжал ухмыляться.

- И так с благословения Строителя приступим... что ты презренный видел в лесах севера, какие книги читал, сколько вас и кто вами руководит...

-Ха... глупец, ты глупец святоша... ты не спрячешься под мертвым камнем, не разгонишь великую тьму огнем мертвого дерева...

- Твоего гнусного повелителя уже нет презренный, сила Строителя низвергла его, отвечай на вопросы!

-Глупцы... Лорда Листьев поверг уличный вор а не ваш молоточник.. вы слабы как дети...
аааааааааааа...

-Брат Мортвилд, не переусердствуйте раньше времени...

-Да отче... не выношу богохульства...

-Ха-ха-ха... глупцы, вы не видите, что хороните себя в Городе мертвых камней, но Хозяйка накажет вас тьмой...

- Хозяйка? Отвечай!!! Дриада в Городе? Она жива?

Пленник хохотал, хрипло, надрываясь... на губах его выступила пена.

-Отвечай!!! Или я замурую тебя навечно именем святого Ёры в скале...

-Глупец..., пленник нашел глаза Первосвященника,- пророчество прочитано... вы все уже мертвы, и ты мертв, святоша. Ледяное пламя твоей крови не спасет тебя, молоточник.- язычник скривил разбитые губы, - или смерть уже пришла к тебе во сне, первосвященник?

Мортвилд не заметил, что после слов язычника, Брианан дернулся, как от пощечины и побледнел.

- Он знает? Догадывается? Или это просто совпадение? -пронеслось в голове у первоиерарха, - нет, нет, это может быть только совпадением. . .

-Так мы ничего не добьемся,- подобрался Брианан, - инквизитор, приступайте к допросу второй степени.

Брат Мортвилд тут же подчинился. Он повернул несколько рычагов, перекрыл в нужной последовательности клапаны и отступил назад, готовясь продолжить допрос. Но как только из пыточной машины ударила струя пара, обдав язычника, тот завопил нечеловеческим голосом, забился на дыбе, его мощные мышцы напряглись так, что начала лопаться кожа. Дубленные кожаные ремни, приковавшие его к металлу лопнули, он вырвался и бросился на Орденцев.

Оштаренными руками, с уже вздувшимися волдырями он схватил растерявшегося инквизитора и разорвал его кольчугу как бумажный лист, вцепился в левую сторону груди ногтями, намереваясь вырвать Орденцу сердце.

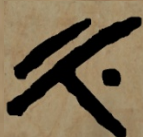
В ту же секунду огромный молот обрушился на голову язычника. Череп разлетелся фонтаном брызг и уже мертвое тело рухнуло на пол пыточной.

Еще не чувствующий от шока боли, инквизитор схватил за руку Первосвященника и поднялся.

Тяжело дышащий Брианан сжимающий боевой молот, с ног до головы забрызганный кровью яростно бросил :

- Одержимый. Это одержимый, Инквизитор. Язычники нарушили договор и ответят за это.

- Именем Строителя, - прохрипел Старший инквизитор Мортвилд и потерял сознание

Гаррет

Я шагнул из раки обратно, в гулкие коридоры Бонхорда, и остановился как вкопанный. Я был так поглощен исследованием пророчества, что сосредоточил свое обостренное восприятие только на нем, и совершенно упустил из виду нечеловеческую настойчивость обитателей склепов. Пока я ковырлялся в трупе Рамиреза, снаружи изменилось многое. Слева от входа выросла новая стена, состоящая из плоти разной степени разложения, кишасей мухами и источающая невыносимую вонь. Огромная толпа мертвяков вытянулась вдоль невидимой черты, продолжающей дверной проем и отмеченной на замшелом полу прямоугольником света, струящегося из раки. Я разглядывал жуткую картину, не в силах побороть страха и отвращения и не мог сдвинуться с места. Зомби стояли в абсолютной тишине, уставив свои пустые глазницы в меня все, как один. Те, у которых отсутствовали головы, опустили торчащие из плеч куски позвоночника строго ко мне, как по линейке. Из толпы доносилось еле слышное бульканье, отзвывающееся спазмами в моем пустом желудке. Разум подсказывал мне, что нежить не в силах преодолеть защиту Молотов, поставленную на вход в раку, но тело упорно сопротивлялось. Такого я еще не видел. Демоны, да такого не видел никто!

Я попытался взять себя в руки, и мне почти удалось задушить подступающую панику.

Но вдруг, в неподвижном строю зомби я разглядел неестественное шевеление. У четвертого от меня мертвяка начала отваливаться рука. Сначала влажно чавкнуло. Затем отчетливо послышался щелчок выходящей из сустава кости. И наконец, истлевшая ткань погребального облачения на рукаве не выдержала и порвалась. Рука отвалилась по локоть, сочно шлепнувшись на камни. Я понял, что больше не выдержу. Стараясь не смотреть в сторону мертвяков, я осторожно шагнул наружу, направо от двери и маленькими шажками, задерживая дыхание, потянулся прочь. Я почти дошел до поворота, когда что – то заставило меня обернуться.

Моя секундная слабость послужила сигналом. Зомби завывали. Такой звук может издать только существо с разложившейся глоткой. За спинами зомби зашлись в хохочущем плаче Хаунты. Толпа миглом пришла в движение. Передние ряды упирались, не желая прикасаться к магии Строителя, исходящей от освященных стен. Но сзади напирала не рассуждающая масса гнилого мяса и первая шеренга не выдержала и подалась вперед, слитно шагнув в поток света. Они осыпались моментально, превратившись в серый прах. Следующие за ними стали спотыкаться и падать головами вперед, осыпаясь наполовину, оставляя после себя нижние конечности. Я толпа давила и давила, беснующиеся Хаунты усиливали напор и количество победило магию Молотов. Пятая, или шестая шеренга уже не рассыпалась в пыль, а разваливалась на куски. Остатки кожи сползали с мертвяков струпьями, конечности надламывались, но они перли и перли вперед...

Я понял, что мне не уйти. Прясушимися пальцами я отвинтил крышку канистры со святой водой, и словно сеятель, окатил мертвяков по широкой дуге, лихорадочно соображая, как мне отбиваться от трех десятков набежавших Хаунтов. Святая вода попадала на хохочущих исчадий Хаоса, заставляя их корчиться, сгибаться пополам и падать. Я размахивал канистрой направо и налево, гряда мертвой

плоти росла на глазах, но через смердящий холм упорно карабкались новые Хаунты, а в противоположном конце террасы появилась очередная группа воющих мертвецов. Я продолжал свои безнадежные потуги, уже понимая, что обречен.

Но там, где не справилась священная магия Ордена, на помощь пришло время. Опорная колонна, на которой покорила секция террасы, не выдержала и начала заваливаться под тяжестью трупов. Я потерял равновесие, уронил канистру, но успел прыгнуть назад, извернувшись всем телом и упасть грудью на следующую, устоявшую секцию. Страшный грохот потряс недра Бонхорда, отозвавшись многократным эхом, когда огромная масса камня, увлекаемого обвалом, рухнула в пропасть. С трудом подтянувшись, я обернулся на образовавшийся провал и заржал, истерический смех колотил меня до тех пор, пока в проеме покинутой раки не появился мой старый знакомый.

-Используй наследие Карраса, – голос Рамиреза прозвучал в тишине абсолютно четко, – подарок Карраса поможет...

Я несся как подстреленный.

Первосвященник Брианан пил бренди лишь раз в жизни.

Молодой послушник Мортвилд обнаружил худого, насуспенного младенца у черного входа храма, когда только принял обет молчания в Ордене. Мортвилд пронес ребенка к себе в келью, не обращая внимания на возмущение и протесты дежуривших в ту ночь братьев, молча, как и положено. Положил завернутое в тряпку тельце на стол и лег спать. Но спать это маленькое чудо ему не давало много дней. Послушник исправно посещал молитвы, потом отправлялся на литейную фабрику, работал, усталый возвращался в келью. Мортвилда неизменно встречал кричащий, голодный младенец. После полутора месяцев мучений он понял что больше не выдержит...

Однажды ночью он, охваченный помутнением от отсутствия сна не выдержал, схватил каменный молот, украшавший его ложе, размахнулся и хотел убить младенца. Ребенок перестал плакать и потянул маленькие, неуклюжие ручки к молоточку.

Мортвилд понял что это испытание, ниспосланное Строителем. На следующий день он взял ребенка с собой на фабрику и был поражен, когда младенец всем телом потянулся к пышущим пламенем горнам, улыбался и залиристо смеялся, глядя на заполняющую формы раскаленную сталь. Огонь и жар не пугали ребенка.

Однажды, в год своего двухлетия, мальчик схватил рычаг, который взрослые трогали только в перчатках и потянул на себя. Раздалось шипение и запах паленой плоти. Мортвилд кинулся было, но застыл на месте ошеломленный.

Ребенок ошарашено смотрел на обожженную руку, казалось не чувствуя боли. Послушник схватил воспитанника под мышку, доволот до служебной комнаты, и влил в ребенка единственное доступное ему обезболивающие - бренди. Мальчик начал дико кричать, вырвался, убежал обратно на фабрику, и, опять голыми руками, держал рычаг, пока расплавленный металл не обрел новую форму. Так мальчик отлил свой первый молот.

Сегодня Первосвященнику захотелось наплевать на все обеты и вдребезги напиток. Но что мучило его в ночных кошмарах вырывалось наружу с воплями пытаемого язычника. Он стиснул зубы. Что ж, На все воля Создателя.

Бурриқ смотрел на меня, а я смотрел на бурриқа. Подслеповатая тварь поводила головой, стараясь разглядеть неожиданную помеху в моем лице, и никак не могла взять в толк, что ее насторожило. Рептилия сыто порыгивала, источая кислый дух перебродивших в желудке пламенных грибов и это было хорошо. Сытые самцы не так агрессивны, а самец мне попался матерый. Клинообразная голова венчала массивное тело, крепко стоящее на мощных задних конечностях. От макушки до кончика широкого хвоста, рептилию защищал слой ороговетшей кожи, покрытой широкими, твердыми как камень наростами. Шварь, добрых десяти футов в длину, доставала мне до плеч в холке, а когтями на передних, рудиментарных лапах, смогла бы располосовать и кольчугу, умеи она ими пользоваться. Впрочем, одну переднюю конечность, бурриқ потерял в давней драке, оставив себе бугрящийся костяными бородавками обрубок. Я поднял глаза, разглядывая морду рептилии и понял, почему тварь, шагающая по перекрестку между тоннелями, вдруг развернулась и зашла именно в мой поворот. Вся морда бурриқа, была располосована вдоль и поперек. Такие шрамы оставляла нежить, а бурриқи ее терпеть не могли.

Из тоннеля, в котором я склонился над остатками Адольфо, несло мертвечиной. То есть, конечно же, не от стен и давно ссохшегося трупа знаменитого вора, а от меня.

Но бурриқ не атаковал сразу, а остановился в замешательстве, потому как запах был странный и необычный. Пахло одновременно мертвецами и живым существом. Однако потоптавшись немного на одном месте, рептилия раскрыла жабры и начала медленно, со свистом, набирать в себя воздух. Дело плохо. Бурриқи роют свои тоннели именно так. Набирают побольше воздуха в желудок, где он смешивается с едким газом, выделяемым переваренными пылающими грибами, а потом резко выдыхают. Из пасти вырывается жуткая смесь, способная разъедать и размягчать камень. После чего рептилия разворачивается и мощными задними лапами разгребает участок будущего хода. Таким же малоприятным образом бурриқи справляются с врагами, забредающими в зону их обитания.

Шварь продолжала натужно вдыхать, а я осторожно попятился, потянув за собой сумку Адольфо, которую к счастью успел освободить из его мертвых объятий. Я успел отступить достаточно, когда изо рта и ноздрей рептилии вырвались клубы ядовито – зеленого цвета, полностью скрывшие многострадальный труп моего коллеги, распростертый на полу.

Изрыгнув содержимое желудка, бурриқ не стал дожидаться результата и потопал восвояси. Вот и хорошо, вот и славно. У меня не оставалось ни сил, не желания ввязываться в драку.

Теперь можно спокойно исследовать добро Адольфо.

Адольфо прекрасно подготовился к походу в Бонхорд. В его сумке оказалось все, что нужно для выживания и полный комплект приспособлений для профессионального вора. Набор элементарных кристаллов в виде наконечников стрел впечатлял: кристалл воды, расколотившись, чудно тушил огонь, кристалл земли создавал слой грязи, заглушающий шаги, огненный служил разрушительным оружием, хотя выдавал сиянием стрелка, в воздушный кристалл умельцы вводили споры сонного мха, вырубавшего любое дышащее существо. Лечебные мази, быстро заживляющие раны, набор отмычек, и наконеч, старый добрый кинжал. Все было на месте и в прекрасном состоянии. Только взрывчатка никакой. Протянуть на всем этом добре, без нормальной еды и питья можно было пару дней, а потом? Вернуться и сожрать болтливый труп Фамиреза? Пить кровь бурриқов? Шляться тут пока крыша не поедет?

Я с немым укором посмотрел на Адольфо. На месте трупа растекалась, впитываясь в камни бордовая лужа. Вот и все, приятель, теперь от тебя осталась лишь память и пятно на известняке. Или не только пятно?

В центре неприятно пахнущей жижи покоился предмет правильной формы. Похожий отсюда на диск, дюймов шести в диаметре, какими городские мальчишки, играют в «лягушку», швыряя в море. Почему на эту штуку не подействовало дыхание бурриқа?

Я взял диск в руки и морщась отчистил с него остатки Адольфо рукавом.

Шлифованный камень с идеально ровной кромкой, небольшое отверстие сквозь которое продето маленькое колечко. Отверстие забито остатками льняного шнурка. Очевидно эту штуку, Адольфо

носил на шею, считая ее талисманом, или амулетом. Я не слишком суеверный человек, однако, сам таскаю подобную вещь, в виде маленькой золотой человеческой ладони. Эта Рука Славы приносит мне удачу. Наверное.

Я потер талисман Адольфо пальцами и почувствовал некоторую неоднородность поверхности. На диске явно присутствовал сложный рисунок. Шестое чувство постукивало молоточком в затылок – «Это важно Гарриет, проверь что там». За каким, спрашивается демоном? Впрочем, бродить по Бонхорду в поисках несуществующего выхода, мне придется очень долго и пара лишних минут ничего не решат.

Глаз перешел в ночное зрение, но рисунок, показавшийся мне странно знакомым, не проявился полностью. Единственное что я понял – создатели диска сначала высекали на поверхности бороздки, а после залили их расплавленным металлом. Чтобы металл стал виден отчетливо, нужен яркий источник света.

Я снова полез в сумку Адольфо и выудил «огненную стрелу». Наконечник – элементарный кристалл стихии огня, был зачехлен кожаным мешочком. Я разматал шнуровку на чехле, и в тоннеле словно зажгли факел. В кристалле, играющем множеством граней, бился, скованный минералом чистый огонь. Кристаллы попадали в Город из Бона, официально – экспортировались для нужд армии. Такие как я, покупали баснословно дорогие наконечники у перекупщиков и барыг. Ше в свою очередь либо пользовались коррупционностью интендантов, греющих руки на армейских складах, либо доставали элементарные кристаллы контрабандным путем, через Блекбрук. Считалось, что своим происхождением кристаллы обязаны продуктам жизнедеятельности стихийных элементарей, весьма опасных и агрессивных субстанций. К этой теории я отношусь скептически – ни разу не встречал, скажем, элементаря огня, из которого вывалился бы кристалл. Ну, летают себе горящие шарики, размером с кошку, ну гудят как электростанции Молотов, ну плюются огнем. Но чтобы гадить кристаллами? По мне, так торговцы из Бона просто набивают цену полезному, впрочем, товару. И напускают туману, разумно опасаясь конкуренции.

Рисунок, вплавленный в каменный диск, меня крайне озадачил. Да что там говорить, я просто не поверил собственным глазам. Две параллельные вертикальные линии, полумесяцы венчают низ правой и верхушку левой. Прямо под верхним полумесяцем, обе линии пересекает горизонтальный росчерк, выше которого две равноудаленные от краев точки. Ниже росчерка, по центру фигуры вписана окружность, с тремя точками под ней. Ошибиться, тем более мне, невозможно. Неизвестные создатели диска вплавили в камень Глиф. И хотя стиль начертания явно устаревший, слишком уж непривычно соблюдены пропорции, точки концентрации силы иероглифа выставлены недостаточно эффективно, что резко уменьшает синергетику деталей формулы, но это явно Глиф.

То что я видел перед собой, было совершенно невозможным. Абсолютно все Глифы исчезли, не важно, начертанные Хранителями – Переписчиками в хрониках, нанесенные на стены Города в тайных местах, или выведенные прямо в воздухе, мастерами иероглифической магии, членами Совета Хранителей. Потеря Глифов и их силы была единственной возможностью предотвратить уничтожение Хранителей. Именно исчезновение всех Глифов до единого было побочным эффектом магии, сокрушившей ведьму.

Но формула поблескивала на поверхности диска как ни в чем не бывало. Глиф перехода, один из самых мощных в арсенале Хранителей лежал у меня в ладони. А что, если иероглиф не только не исчез, но и действует? Идея, внезапно озарившая меня до дрожи в коленках, была сверхзаманчивой. Ведь если Глиф действует, я смогу покинуть замурованный Молотами Бонхорд и оказаться... Где?

Я стал вспоминать, принципы работы с Глифом перехода. Чтобы мгновенно переместиться нужно два условия. Знать точку выхода и прочитать правильно формулу Глифа. С иероглифической грамотой у меня все в порядке, а вот точка выхода – сложный вопрос. Хранители обычно размещали два Глифа перемещения – на точке входа и в точке выхода.

Но в моем случае точки выхода быть не может.

Второй способ практиковался на заре использования магии Глифов, и был крайне опасен. Следовало очень точно, в мельчайших деталях представить себе место, в которое собираешься попасть. Малейшая ошибка, и ты окажешься, например, в стене, что повлечет немедленную, мучительную смерть.

Что ж, Мне выбирать не приходится. Я закрыл глаза и сосредоточился. Передо моим внутренним взором предстал журчащий фонтан в Южном квартале, выложенная брусчаткой мостовая, стена постоянного двора, в котором я обитал. Я воссоздал в голове все, что смог вспомнить, открыл глаза и произнес формулу Глифа вслух. Изображение на диске подернулось голубоватой дымкой, и пространство вокруг меня заполнилось синим мерцающим туманом. Я поднялся, шагнул в туман и почувствовал, как диск в руке невероятно нагрелся и обжег ладонь.

- Дерьмо, - подумал я.

И оказался по колено в дерьме. Но мерзкий запах я вдыхал как редкое благовоние. Магия Глифа, перенесла меня прямо в Городской коллектор. И бронзовый указатель под ржавой служебной лестницей, ласкал взгляд надписью «Южный квартал». Я почти дома.

Шлепая по вонючей жиже к своему кварталу я думал о трех вещах,

Почему ожил Глиф...

Кто подбросил мне Рамиреза...

И где найти ту скотину, которая за все это ответит.

Бақдуша пялился на стенд с «Городской трибуной». Процесс по-видимому доставлял ему неопишное удовольствие. Бақдуша, то подходил в упор к подсыревшим от дождя листкам газеты, наклоня голову вправо-влево, то делал медленный и какой-то торжественный шаг назад, упирал руки в бока и довольно щерился. Казалось он смакует какую-то сногшибательную новость, которыми периодически пестрела «Трибуна». Если бы этот кретин умел читать...

Даже меня его ужимки заинтриговали. Подойдя ближе, я наконец разглядел предмет его созерцания. Справа от новостной колонки традиционно красовались портреты самых разыскиваемых преступников города, к коим прилагался список примет и совершенных правонарушений.

Бақдуша пускал слюни на собственную прыщавую рожу, старательно намалеванную среди прочих. Вот он, момент славы! Шестерка видно мнил себя уже чуть не Мастером-вором. Надо бы его обломать ... в воспитательных целях.

Стараясь не заржать, я схватил его сзади за плечо. Бақдуша резко присел и очень медленно повернул поблдневшую морду ко мне. Узнав, он пискнул на высокой ноте и попытался схилить, но удерживаемый мной за куртку развернулся и со всей силы приложился репой акурат об свой портрет в газете. Упав на брусчатку, он принялся невнятно бляеть и тыкать в плакат над собой. Я пригляделся. Мой портрет висел в центре, перечеркнутый красным крест-накрест. Делалось это для неграмотных и значило, что вор пойман и казнен. Что подтверждала и бравурная надпись под рисунком «...мобилизован весь личный состав... силами городской стражи... в результате слаженных действий... осужден и четвертован».

Ида. Художник, изобразивший меня очевидно считал что я завтракаю младенцами. С такой рожей от меня и зомби бы разбежались...

Ухмыльнувшись, я взял Бақлушу за шиворот и потащил в менее общественное место. Надо разузнать что и как.

-Ну ты, ну ты дааа... они ж тебя, а ты... ну Гарриет, ты... да ты лучше всех, да я за тебя ...ты только скажи... да я прям сейчас... тараторил осоловевший от моего чудесного воскрешения и забористого пива Бақлуша.

Я его не слушал.

По всему выходило, что дела обстоят восхитительно. Городская стража убедила всех и вся в Городе, что я отправился к праотцам и можно быть спокойными за свое добро. Разубеждать кого - бы то ни было глупо, к тому же быть мертвецом мне на руку. Бақлуша то еще трепло, но меня боится больше чем всех шерифов, инквизиторов и Заправил вместе взятых. Можно бы смело приниматься за старое. Но вот Фамирез...

Бывший заправила мог подстроить мне неприятности сам, по старой памяти, А мог плясать под чью - то дудку. Я часто перехожу людям дорогу, но кто-то взялся за меня всерьез. Потому что могли просто убить меня, а не связываться с Городской Стражей. И если Фамирез - исполнитель, то зачем весь этот цирк в Бонхорде? За меня взялись Язычники? Или кто-то хотел, чтобы я так подумал? Или...

Нет. Слишком много вопросов. Действовать необходимо немедленно, рано или поздно просочатся слухи, о том что я жив и здоров. И недоброжелатели повторят попытку. Так что придется покопаться в грязном белье Фамиреза.

Я отобрал пиво у Бақлуши, и принялся втолковывать ему задачу. Уяснив, шестерка во всю прыть побежал по городу собирать людей. Хазеру и Франко можно доверять, особенно если посулить приличный куш. А Бассо просто искренне обрадуется, увидев меня живым.

Именно эта троица представляла большую половину людей, которых я мог считать абсолютно надежными. Все они были старыми, матерыми тафферами, успешными попробовать на зуб и особняки Аулейла и склепы под монастырями Ордена Молота. Все они попеременно побывали в Городской Шюрме, а Бассо умудрился загреметь аж в застенки Крагксклефта. Первые двое благополучно бежали из цепких лап Городской Стражи, причем не раз, а Бассо мне пришлось выручать самостоятельно. Погобив в допросных Инквизиции Бассо оставил там половину своего здоровья, и оказавшись на воле, стал побаиваться запускать пальцы куда не следует. В итоге он повстречал свою Дженивер и завязал. Конечно, в нашем окружении невозможно отойти от дел навсегда. Дело в том, что Бассо - лучший шихтовщик по нашу сторону Стены. Его музыкальный слух и поразительное чутье позволяли Бассо без труда вскрывать сейфы, которые другим приходилось взрывать. Так что даже когда Бассо прекратил наведываться по ночам в дома горожан разной степени порядочности, его талант остался востребованным. Не без моей помощи, он открыл небольшую лавку и торговал замками собственной конструкции, составив конкуренцию не только Торговому Дому Шеменовых, но даже Орденским мастерским. Кроме того его предприятие занималось выточкой дубликатов ключей а так же вскрытием замков, ключи от которых постоянно теряли пьяные в хлам доны благородной от содержания биделбонга крови. Правда, иными ночами, некие подозрительные личности таскали к Бассо разногабаритные ящики, тяжелые и не очень. Но Бассо благоразумно считал, что лучше вскрыть по просьбе Заправил краденые их тугами сейфы и шкатулки, и быть уважаемым в «среде» чем платить унижительную кастрацию.

Что касается Хазера и Дранко, то они слыли лучшими ворами, после Адольфо. Конечно, в Городе Мастером считали меня... Но эта двойка раскалывала орешки, которые и мне не по зубам, безо всяких Скольжений в тенях и прочих недоступных простому человеку премудростях. С недавних пор они работали в паре, что чрезвычайная редкость среди таффферов, и надо сказать справлялись блестяще. Некоторые невыполнимые для себя заказы они перепоручали мне за необременительный процент, что избавляло меня от лишнего внимания со стороны заказчиков и Уполномоченных Инспекторов Городской Стражи. А когда они узнали, что появилась возможность подрезать крылышки Рамирезу, то согласились тотчас.

Корни их нелюбви к Заправиле Рамирезу, росли оттуда же откуда и мои. Рамирез нашел и сдал меня Страже за то что я его обчистил. Это было крайне рискованное дело, и я ни за что бы не подвизался под него. Коротышка сам виноват. В своем стремлении подмять под себя все и вся, в тот год он крепко надел на меня. Сначала были предложения дружбы от его подручных, потом несколько записок с угрозами. Рамирез никак не мог взять в толк, что я работаю сам на себя и что мне наплевать на все его страшилки. В итоге его терпение кончилось и он решил показательно меня укоротить, чтоб другим неповадно было. Но его туги опростоволосились и убили вместо меня случайного барыгу. Я просто расвирипел. Той же ночью я прокрался в его особняк, вынес кассу Лордов и походя как следует прошелся по затылку и спине Рамиреза своим блэкджеком. А наутро заявился к Рапуто. Заправила Рапуто чуть до потолка не прыгал, когда углядел возможность скинуть зарвавшегося конкурента. Конечно, к Садисту я приволок всю наличность Лордов, иначе бы за мою жизнь не дали и ломаного гроша. Рапуто отвалил мне приличный процент, обещал не трогать и благосклонно «простил» кастрацию на двадцать лет вперед. Он понял, что сможет потерять лицо подобно Рамирезу и решил что легче использовать хороший повод оставить меня в покое, чем объяснять другим таффферам, почему это Гаррет не отстегивает с оборота.

А вот Хазера с Дранко тогда цапали люди Якоба – прихлебателя Рамиреза, садиста почище Рапуто. Несговорчивых воров убеждали несколько дней, используя не принятые в нашей среде методы. Они были вынуждены пойти под Рамреза, и теперь жаждали мести.

Я потягивал пиво в таверне у Ло, вспоминая о прошлом, таком же беспокойном как и настоящее и ожидал гостей. Ло знал меня под другим именем, и его маленький подвальчик с отдельным входом для таких как я был как всегда пропитан гостепреимством. Я навещался сюда лишь ночью, в скрытых от посторонних помещениях всегда царил полумрак, так что особенности моего глаза были незаметны.

Наконец скрипнула дверь и раздались мягкие шаги по лестнице. Я прикинул. Идут хорошо, тихо, не задевая стен. Две пары ног в специальной обуви без каблуков, простому человеку не расслышать, как тафффер ступает по полу. Третья пара топает погромче, но ясно, что обладатель прихрамывающей походки еще не растерял былых навыков.

Итак все в сборе.

Бассо тут же кинулся, облапал меня своими граблями, улыбчивый, нескладный. Я чуть слезу не пустил от умиления. Хазер с Дранко просто сели за стол. Профессионалы. Ничему не удивляются, но в глазах читается уважение. Шериф новый крут, если цапает, пиши - пропало. Пусть думают, что я просто смылся. Для их же здоровья полезнее. Я начал.

- Объявился Рамирез... Из какой дыры он вылез непонятно, да и не важно. Через три дня я хочу знать все. С кем говорил, с кем пил, с кем спал, чем гадил, и в каком конкретно сортире. Любая мелочь, даже если она покажется незначительной. Есть информация, что вернулся он навещать тайник с накопленным добром. Делим все поровну. Мне показываться нельзя – я на том свете, не шелестите особо по этому поводу, даже среди своих. Встретимся на старом месте, как обычно. Вопросы?

Вопросов не возникло. Запустить руку в закрома Городского Заправила и при этом не лишиться пальцев – заветная мечта любого вора. Глаза уже горят, и руки чешутся. А то, что тайник – фикция им знать необязательно. У меня достаточно золота, чтобы все были довольны. Ну Бассо, пожалуй я расскажу правду, гляди чего и присоветует.

Гости разошлись. Я я накинулся на жареных цыплят с такой яростью, будто именно они виноваты в моих проблемах.

Наутро Бакуша приволок записку от Дранко. Быстро сработано. В записке кривым почерком намалевано «Каменный рынок дом 6. Рамирез снимает комнату на чердаке. Оплачено на два месяца вперед» Гм, снимает... Бедняга Рамирез снимать уже ничего не может. Он теперь у нас в мертвом виде с зомби болтает о грядущих невзгодах. Куда катится мир... у мертвяков теперь есть собственный прорицатель с рунами на пузе. Я усмехнулся, отложил записку и начал действовать.

Дверь таверны Каменного рынка с грохотом распахнулась. Послышалась брань.

-Куда ты прешь, рыбки твои потроха. На рею захотел, якорь тебе в глотку...

Хозяин выскочил из-за стойки, улыбаясь и часто кланяясь. Взглянув на посетителя он сразу опознал в нем контрабандиста. Небрит, вонюч, правый глаз перетянут черной повязкой, но пальцы сияют золотыми перстнями и слуга тащит следом сундук в пару раз превышающий вес бедняги. Контрабандисты народ хоть и шумный, но уважаемый. В каждом порту оставляют чуть не все золото, предпочитая дорогуший Бидлебонг вперемешку с пивом и сразу несколько шлюх на ночь. Перепившись морские волки нередко тешили себя погромами, но наутро всегда являлся хмурый капитан и все компенсировал исправно.

Контрабандист пьяно осмотрел помещение, пробурчал под нос продолжительный набор ругательств, и наконец сфокусировал единственный глаз на хозяине таверны.

-Что ты на меня пялишься, как омар на голую задницу? - прорычал посетитель, - мне надо пришвартоваться в этой дерьмовой гавани как можно скорее! Я сух как вяленая рыба - голм, голм, - моряк основательно приложился к услужливо поданной хозяином пивной кружке.

-Как море, уважаемый, цел ли груз? Есть отличная комната на первом этаже... рассыпался хозяин.

-Дышать вашими помоями? - смягчился контрабандист, утирая пену с подбородка, - что ты понимаешь сухопутная крыса... на чердак, где свежесть и запах моря с доков...

- Конечно, конечно, - тут же согласился корчмарь, - мои помощники помогут вашему слуге, уважаемый, донести сундук.

-Я вашу породу знаю, - довольно хохотнул моряк, - разворуете все на полдороги. Что? - вдруг он вскинулся опять, - не смей называть юнгу слугой!

-Простите, простите уважаемый, я крайне невнимателен сегодня, - продолжал улыбаться хозяин.

-Что ты все время щеришься, будто уже что-то у меня спер, - подозрительно сощурился одноглазый и начал хлопать себя по поясу и карманам, - хм, вроде все на месте...

-Что вы, что вы, - побледневший хозяин часто замотал головой, - в моем заведении никогда...

-А дай-ка, я тебе зубы выбью, - навис над дрожащим человеком контрабандист, - а то скалишься как акула, рыбки моча...

Хозяин таверны стоял ни жив, ни мертв. Он так перепугался, что решил кликнуть тугов Заправил, приглядывающих за таверной, наплевав на золото в кармане страшного посетителя.

- Ладно, не бойся, - контрабандист дружески хлопнул его по плечу, сменив гнев на милость, и кинул на стойку золотой, - показывай, где там моя каята.

Получив из трясущихся рук ключ с биркой, контрабандист пьяно икнул и загрохотал по лестнице наверх. Юнга с недовольной миной, потащил следом окованный бронзой сундук.

- Сухопутная крыса, акула тебе в ребро, отрезать бы тебе жабры, - бормотал по дороге моряк, - но это завтра, сейчас спать. И никаких девок, якорь мне в глотку, слышишь? - заорал контрабандист, свесившись с перил и чуть не рухнув на расставленные в зале таверны столы.

Хозяин снова закивал, баякая в ладонях целых ПЕРМ золотых. Пожалуй, на этом типе он наварится сполна.

Я в изнеможении плюхнулся на койку прямо в сапогах. Сорвал с глаза повязку. После такой демонстрации, хозяин таверны вряд - ли рискнет побеспокоить грозного «морского волка». Представление, разыгранное мной произвело впечатление не только на хозяина таверны. Баклуша валялся в углу и старался не отбросить копыта от смеха. По щекам шестерки катились слезы, он задыхался, бился головой о деревянные стеновые панели. Естественно при этом он старательно зажимал рот обеими руками, чтобы не заржать как Блэкбрукская лошадь и не угробить нашу нехитрую легенду. Глядя на него я не выдержал и тоже хмыкнул, но тут же взял себя в руки. Тяжелые и высокие сапоги вкупе с дубленным камзолем и широкими кожаными штанами мало подходят для моего рода занятий, так что я подтянул к себе сундук, завалившийся набок от усердий Баклуши и начал экипироваться.

Обтягивающее тело исподнее, с высоким горлом, из тонкой иссиня черной шерсти, облегающие штаны, с полосками прорезиненной ткани, позволяющие случайно не цепляться за предметы, с кожаными проставками на коленях и ягодицах, защищающими от жестких ударов и падений. На ногах – сапоги со шнуровкой и высоким голенищем. Подошвы сапог и вставки на щиколотках великолепно защищают стопу от излома, их шили из кожи буррика, невероятно прочной и в то же время эластичной. Ходить в такой обуви, имея соответствующие навыки можно практически бесшумно, и при этом без страха ступать по битому стеклу или острым камням. И наконец куртка. Ткань, сваленная из грубой шерсти с торчащими во все стороны волосками на вид может показаться неопрятной, однако в сумерках такой материал прекрасно ломает силуэт и замечать застывшего в ожидании человека, может только наметанный глаз. Застегнув пряжки из небликующего металла, я натянул на себя сложное переплетение ремней и кожаных полос, обвивающий весь торс, пояс и плечи. Эта хитрая конструкция усеяна множеством колец, петель, сложных шнуровок и узких кармашков, равномерно распределяет по телу, изрядный вес специального снаряжения, без которого приличный вор не выйдет из дому.

За голенищем укрылся длинный, тонкий кинжал – стилет, слева на поясе короткая дубинка из черного дерева Краеугольного камня, получившую прозвище «блэкджек», несколько пузырьков с болеутоляющим снадобьем на левую грудь, справа пару световых бомб. На предплечье я затынул кожаный чехол с шикарным набором отмычек – подарок Бассо. Он постоянно совершенствует свой набор инструментов, добавляет новые гребенки, щипчики, крючки и зацепы, следуя нововведениям в конструкциях личинок замков. Этот набор Шихтовщик вручил мне накануне и с гордостью пояснил, что второго такого нет не только в Городе но и на всем побережье.

Пожалуй на сегодня увешивать себя снаряжением по самые брови не следует. Моя миссия – в первую очередь наблюдение и разведка. Разнюхал – смылся. . . Устраивать резню – это не по мне.

И наконец, последние детали. Короткая, до середины спины накидка, покрытая множеством складок – тоже прячет силуэт в своем движении и отвлекает взгляд плавностью постоянно меняющейся формы. Венчает накидку глубокий капюшон. Некоторые мои коллеги прячут лицо за шерстяными масками, оставляющими открытыми лишь глаза, но мне такие вещи неудобны. Во первых в них

тяжело дышать на бегу, а во вторых здорово притупляется слух и обоняние, а эти чувства прилично дополняют в темноте даже тренированное зрение.

Я немного размялся, разогревая мышцы и оценивая как подогнана одежда, подтянул несколько ремешков, натянул на руки перчатки с усиленными кожей костяшками без пальцев, и повернулся к Баклуше.

Шестерка уже прекратил ржать и теперь взирал на меня с завистью и уважением. Еще бы. Такое снаряжение стоит просто неприличных денег, хоть и окупает себя за пару – тройку серьезных заказов. Только вот чтобы получить приглашение к солидным клиентам, надо сперва заштопать не один десяток дыр от стрел и мечей Городской Стражи, в тряпье попроще. Поймав мой взгляд, Баклуша с готовностью вскочил на ноги.

- Закажешь у хозяина побольше выпивки, - распорядился я, - Пусть думает, что я тут не просыхаю. Возможно, придется задержаться надолго. Жди моего возвращения, пока на часы Ратуше не пробьют три полночь. Потом дуй вместо меня на встречу, передай что я не явлюсь, пусть Бассо все запишет, принесешь мне. Мухой.

Баклуша испарился.

Я вылез на крышу через чердачное окно, осторожно пробрался между лесом жестяных труб, источающих запах кухни и устроился, спрятавшись с обратной стороны огромной вывески таверны, изображающей пьяного матроса, обнимающего довольных грудастых девиц. Место я выбрал очень удобное, улица просматривалась в обе стороны, а окна временных апартаментов Рамиреза и недавно. Единственным досадным неудобством оказался лунный светильник, конструкции Механистов, который прилично слепил искусственный глаз переведенный мной на ночное зрение. Я подобрал камешек из сливного желоба и запустил в центр осветительного устройства, целясь в колбу, где лунный свет преобразовывался в электричество неизвестным для непосвященного в Братство способом. Сосуд, на мою удачу, лопнул, и мне оставалось лишь слышать ленивую брань патруля Городской Стражи по поводу проклятых Молотов, и ремонтников Департамента Общественных Работ, которых теперь «жди три дня и наступай на всякое дерьмо».

Я немного послушал, как Стражи перечисляют варианты виновных в поломке, начиная от мальчишек и птиц и заканчивая Обманщиком, ожидая пока они удалятся. Наконец Стражи пришли к выводу, что виновата во всем жена сержанта, которая не дает бедняге житья и еще кое – чего, и по этим причинам сержант сердит не в меру и оттягивается на подчиненных. Сказано все это, естественно в таких выражениях, что она же, доведись ей услышать, рекрутировалась бы в сержанты немедленно, только чтобы загрызть троицу до смерти.

Через некоторое время улица начала наполняться людьми. Сперва из таверны вышвырнули завсегдашняя, напившегося до полной невменяемости. Вслед за ним вытолкнул его товарищ, облевал себе сапоги и рухнул рядом. Из подворотни вынырнул, озираясь босоногий подросток и шустро освободил карманы пьяниц от оставшейся меди. Воришку заметили туги, дежурившие напротив, нехотя отдубасили, отобрали улов и поделили между собой прямо тут. Потом громилы отволокли пьяниц в подворотню, и на их место встали две потасканные девицы. Пара молодых аристократов, тоже нетрезвых вышли из соседней таверны и принялись неумело рубиться на мечах, продолжая какой-то спор. Потаскухи что есть мочи завивляли задницами, аристократы перестали рубиться и начали лапать девиц, торгуясь и перебрасываясь сальными шуточками. В конце улицы показался патруль из послушников Ордена Молота, потаскухи нырнули в тень, а аристократы, ожидая их затаили очередной спор, на этот раз богословский. Потом явились четверо странных личностей и я понял, что дождался.

Один сразу зашел в дом, напротив таверны, поднялся на мансардный этаж и постучал в дверь комнаты Рамиреза. Недождавшись ответа он спустился к товарищам, покачал головой и начал шопотом давать указания. Закончив инструктаж, он зашел в таверну, на крыше которой я сидел, заказал пиво, сел за столик у окна и стал наблюдать за улицей. Его действия отражались в окнах дома

напротив и я мог видеть его и его товарищей, усевшихся на ступенях, с игральными картами.

Четвертый скрылся за поворотом, и я решил что он взял на себя черный ход.

Типы с картами непрерывно переругивались с едва заметным акцентом, из чего я сделал вывод об их принадлежности к славному городу Блэксбуруку. Среди их брани постоянно мелькало то ли имя, то ли кличка Тэсли. Судя по контексту, этого персонажа боялись до судорог и отчитывались лично перед ним. Но отсутствию Фамиреза этот Тэсли был не рад, а значит, к его приключениям в Бонхорде отношения не имеет. А от чужих проблем я держусь как можно дальше. Оставалось ждать вестей от коллег и наблюдать.

Прождав почти до самого рассвета, я не выдержал и наведаясь в комнату Фамиреза, пробравшись по крышам и вскрыв окно его апартаментов. Остолопы внизу даже не почесались. Я обшарил платяной шкаф, письменный стол, запертые сундуки, и даже порылся в урне для бумаг. Абсолютно ничего. Ни бухгалтерских записей, ни переписки. Даже толстый блокнот на столе содержал лишь колонки цифр, разобраться в которых мог лишь сам Фамирез. Досадно, но предсказуемо. Заправила умел замечать следы. Я еще раз, тщательнейшим образом перерыл вещи Фамиреза и, наконец, в одном из потайных карманов камзола Заправила, нашел интересную вещицу.

Я вернулся в таверну, на чердак. Городом владела глубокая ночь, Баклуша давно ушел, не дождавшись моего возвращения, как и было оговорено, и я позволил себе немного отдохнуть и поразмыслить.

Я крутил между пальцами вещицу, найденную у Фамиреза и думал. Итак, что мы имеем? В сущности ничего. Фамирез по всей видимости покинул Город после инцидента с казной Лордов, а не умер, как я предполагал. По всей видимости его новым домом стал Блэкбрук, и теперь Фамирез вернулся. Зачем? Только ради того, чтобы меня укоротить? Неубедительная версия.

Он мог заняться моей шкурой походя, из мести. Этот Тэсли его потерял и теперь активно разыскивает. Но Тэсли врят ли имеет отношение к язычникам и произошедшему в Бонхорде. Да уж. Я в очередной раз подбросил в воздух и поймал небольшой ключик и снова внимательно его осмотрел. Сложный, редкий ключ. С выбитой литерой «Б» и номером. Ключ от сто двенадцатой ячейки Первого Городского Банка. Что же, наведемся и туда...

К утру прискакал Баклуша с таинственным лицом, и я понял что дело сдвинулось с мертвой точки.

- Итак, господа воры, - начал Хазер, - Подведем итог. Фамирез, отлежавшись где-то на севере, является в город под вымышленным именем. Мобилизует лично преданных ему людей, которые снабжают его информацией различного содержания. Информаторы, которые имели с ним контакт, тихо исчезают. Все обставляется как несчастный случай. Фамирез умудрился даже архивариуса департамента разговорить... В общем, для нас это малоинтересно. Но. Собранные материалы он сливает типу по имени Тэсли. Этот Тэсли вхож в некоторые дома Семи Великих Семей. В общем, политика. А политика дело грязное. И не дешевое. Фамирез таскает золото в Городской банк, где обменивает наличность на облигации. В бумагах у него не меньше двухсот тысяч. Служащие банка утверждают, что на случай, если Фамирез не появится в течение полугода, им следует вскрыть ячейку и обнародовать некие документы. Документы так же хранятся в ячейке. Гаррет, если под тайником ты имел в виду Первый Городской Банк, о наши дела существенно усложняются...

Я вытащил из кармана и бросил на стол ключ.

- Если вы об осложнениях, то они незначительные, - пояснил я, - Чтобы изъять содержимое нужно две вещи. Собственно ключ, - я кивнул в сторону стола, - и цифровой пароль к механической системе запирания хранилища Банка. Но у меня есть один вопрос, Хазер, не имеющий отношения к деньгам. Имел ли Фамирез контакты с язычниками, в частности с кем нибудь из старших шаманов?

- Странный вопрос, Гаррет, - прищурился Дранко, - но я на него отвечаю. Люди видели Рамиреза в компании с язычниками, но они не могут знать, крестьяне это или Пэганские колдуны. Ты удовлетворен Гаррет?

- Отчасти, - начал я, - но...

- Минуту, Гаррет, - перебил меня Хазер, - мы ответили на твои вопросы, теперь ты ответь на наши. Ты видимо плохо расслышал, и я повторяю. Всех, кто имел дело с Рамирезом, пришили. Дело становится опасным, а мы дорожим своими шкурами. Я поэтому, - Хазер в упор посмотрел на меня, - Гаррет, объясни, зачем Рамирезу понадобилось потратить целое состояние, сто двадцать тысяч золотом, чтобы найти твою задницу? И если мы в деле, будь любезен пояснить, зачем тебе Рамирез?

Я растерялся. Господа воры пялились на меня. Я не ожидал, что Хазер с Дранко унюхают подвох. Но они - старые, опытные воры и недооценивать их глупо и опасно.

Ситуация накалялась. Я сидел молча обдумывал ответ и ловил на себе жесткие взгляды. Я не видел их рук, но знал, что кинжалы готовы, а звон монет бьет в голову не хуже бренди, и если я что-нибудь срочно не придумаю, тут будет поножовщина. Они, конечно, мне не противники, но помощь, оказанная ими ныне и впредь, избавит меня от многих неприятностей.

- Господа, - наконец прокашлялся я, - это личные счета... Признаться, меня больше интересуют бумаги Рамиреза, нежели его накопления. Поэтому давайте успокоимся и продолжим.

- Нет Гаррет... дело слишком рискованное, если нужны бумаги, забирай... но облигации мы поделим без тебя. Это последнее условие.

Я задумался. На деньги я изначально не рассчитывал, а эти двое могли иметь в запасе какую-нибудь гадость. Пойду ва-банк.

- Вы правы, - процедил я, - бумаги представляют для меня определенную ценность, которая выше золота. Поэтому я согласен на ваши условия...

Лица смягчились, движения перестали быть резкими.

- Старина Гаррет, не держи зла, - заулыбался Хазер, - дело есть дело, мы же профессионалы.

- Что ж, господа профессионалы... как будем брать банк? Штурмом?

Брать Банк с налета, мы, конечно же, не стали, а совершенно справедливо решили, что серьезный куш требует не менее серьезной подготовки. Два дня ушло на наблюдение за маршрутами караулов вокруг здания банка. Одновременно сестра Бассо, разодетая в пух и перья изображала приезжую богатую вдову, возжелавшую открыть депозит. Она стреляла глазками в служащих, ослепительно улыбалась, частенько роняла бархатный платочек, поднимала его, не забывая продемонстрировать глубочайший декольте, чем совершенно деморализовала бдительную охрану и кверков. Наконец явился хмурый капитан охраны, желая выяснить причину всеобщего осоловления. Когда он увидел кто является объектом пошлых шуточек ладких на красоток стражей, беднягу хватил столбняк. Усы его встали по стойке смирно лицо сделалось красным, и на просьбу дамы провести экскурсию по банку, он сначала замычал, потом заблеял, и, наконец исчерпав словарный запас, просто утвердительно кивнул. Если бы его спросили назавтра о беседе, он вряд ли бы припомнил, что за ахинею он нес...

Несчастный за какие-то три часа сдал всю схему безопасности банка красоте. Я Криси, вопреки расхожему мнению о соотношении красоты и ума в женщине, обладала феноменальной памятью, так что схемы внутренних помещений банка лежали у меня на столе к вечеру. К тому же она умудрилась получить приглашение на ужин в Дрекбоун от капитана аккурат на ночь ограбления. Я подобной инициативы не одобрил, но ребята пришли в восторг и пришлось заткнуться.

Две ночи мы потратили на экипировку. Как назло, Городская Стража умудрилась устроить третью облаву за неделю и нужные люди попрятались по углам. Уж не знаю откуда у Стражей такие запасы дисциплины и усердия, что они целую ночь спуют по подворотням, трезвые. Да так шустро, что им некогда заниматься привычным делом – потрошить несговорчивых лавочников и отпускать мелких тафферов за мзду. Думается мне, что я знаю, кто так лихо «застроил» эту банду бездельников и пропойц. Отец этого «кого-то» тоже пытался прижать Лордов и свободных воров, и даже не гнушался проститутками и попрошайками, только вот задержанные попадали не в допросные Квартальных Шюрем, а прямоком на опыты к Брату Каррасу. Поэтому старший Пруарт долго не протянул, его пришли язычники, отомстив за тех, кого сцапали люди старого Шерифа, а меня ловко подставили, да так, что мне пришлось изрядно побегать, чтобы не попасть под статью «убийство офицера Стражи при исполнении...». Хотя старый хрен заслужил свой конец.

Его отпрыск, видимо, пошел по стопам отца в усердии, однако честность младшего Пруарта не вызывает сомнений даже у меня. Этот малый не угомонится, пока не переловит нас, всех до единого. Так вот, в этот раз Стражам посчастливилось повязать большинство серьезных барыг, и рынок, как водиться, отреагировал мгновенно. Цены на барахло, взлетели до самых часов на башне Городской Ратуши, выйти на качественное снаряжение стало необыкновенно сложно. Посредники набивали себе карманы процентами, выстраивая длинные цепочки прикрытия, чтобы цепкие лапы агентов Шерифа не могли дотянуться до непосредственных продавцов. При этом они понимали, что здорово рискуют шкурами и подробно расспрашивали потенциальных покупателей, пытаясь выявить среди них провокаторов и Инспекторов под прикрытием.

Вся эта свистопляска прилично осложнила наши дела. Работать на нынешних условиях с посредниками - равнозначно сообщению в Трибуну о времени, способе, и самом факте предстоящего ограбления. Бассо заикнулся было о своих связях в окружении Рапуто, но потом сам понял, что ляпнул.

Заправила потребует долю с дела, отправит своих тугов следить за нами, начнет расспрашивать, разноухивать... Короче гиблый вариант.

Поэтому мне пришлось сделать таинственное лицо и «вспомнить старого знакомого». Господа воры не стали лезть с расспросами, чем очень меня обяжали. Я я, пристроившись ночью за одним из посредников, протопал чертову уйму миль, чтобы наконец оказаться в дверях одного из осторожничающих не в меру барыг. Я так намаялся болтаться по Городу и наблюдать неумелые и смешные попытки спекулянтов замести следы, что готов был просто взять необходимое из лавки и унести ноги. Но барыга оказался третьим малым, и окружил себя уймой телохранителей, в самом прямом смысле этого слова. В такой ситуации Скольжение в маленьком помещении при толпе вооруженного до зубов народа может кончиться печально. Поэтому я вежливо постучался и вошел в любезно приоткрытую дверь.

Торговец очень удачно делал вид, что не узнал меня, но никак не мог унять дрожь в руках и пересчитал мое золото только с четвертого раза. Я устроил ему маленькую демонстрацию своих способностей, буквально долю секунды, но этого оказалось достаточно.

Увидев, как фигура, стоящая перед ним размазалась по воздуху, потом почувствовав как острое кинжала упирается в подбородок, а потом обратный порядок действий, барыга охсел.

Он выронил золото, разинул рот, глядя на мои пустые руки, раздумывая, не привиделось ли ему. Я не стал его разочаровывать, улыбнулся самой кровожадной из своих улыбок, утвердительно кивнул и приложил палец к губам. Барыгу затрясло. Я как ни в чем не бывало закрыл за собой дверь и сразу нырнул в Скольжение. Следом загрохотали туги с блэкджеками на перевес и застыли на месте недоуменно оглядываясь. Бледный как лунь барыга выскочил из-за их спин, и принялся размахивать правой рукой, поминая Строителя, пожалуй, впервые в жизни.

- Какого черта ты меня облил, крысиная немочь, - взвился один из тугов, - и куда делся этот, как ты сказал его зовут?

- Да никуда он ни делся, идиот, - скороговоркой зашептал барыга, - это же призрак, ты же видел как он исчез, - а это, - барыга покрутил кулаком, - святая вода Молотов.

- Призрак? - глаза старшего туга забегали, - да, точно! Пойдем отсюда вон внутрь скорее!

- Надо бы снизить цены, - боязливо поежился барыга, - Гарриет, упокой его Строитель, не явился бы просто так. Это плохой знак, он недоволен. Да, да, пожалуй, надо задуматься о скидках тафферам...

Они скрылись внутри дома, заложив дверь тяжелым засовом. Я был более чем удовлетворен. Теперь по Южному кварталу поползут разговоры, слухи обрастут холодящими душу подробностями, все как водиться... И если впрямь кто-нибудь заметит старину Гарриета, разгуливающего ночью, то наверняка решит, что столкнулся с привидением и немедленно сделает ноги.

Это прекрасно, это нам на руку.

Я перекинул через плечо сумку с купленным снаряжением и двинулся в сторону нашего убежища на границе Южного квартала и Каменного Рынка.

Вернувшись, я обнаружил, что практичный Хазер без дела тоже не сидел. Из пивных кружек и пачек со специями он соорудил макет здания Первого Городского Банка с окрестностями и теперь они с Франко двигали парой оловянных фигурок рыцарей, отрабатывая предстоящие действия. Так вот как эти пройдохи умудряются так слажено работать вдвоем! Это я пользуясь своими способностями запоминаю каждый поворот и закоулок, а они просто заранее доводят все до автоматизма.

Я представил себе, как охрана какого-нибудь благородного отпрыска бестолково носится по имению, в надежде поймать одного, по их мнению вора, пока другой спокойно чистит закрома от побрякушек. Разумно, элегантно, ново. Но, как и все уловки работать будет до определенного момента. Но за это время эта парочка придумает новую хитрость.

Я не без удовольствия включился в их тренировку, смял лист писчей бумаги и стал демонстрировать свои возможные действия. Однако быстро понял, что объяснить способ проникновения через наиболее охраняемые участки не могу. Не рассказывать же им про Скольжение... Поэтому я быстро перевел все в шутку и к рассвету утопал в спальню.

Вместе с предрассветным туманом на меня накатили дурные предчувствия. Я ворочался на кровати, пытался заснуть, но меня беспокоило полное затишье, крими меня сильные мира сего не баловали. По сути, конечно, хорошо, что меня не дергают, но уж больно подозрительно. И Хранители как в воду канули. Я прогонял события в голове так и сяк, пытался соотносить не соотносимое и совокуплять не совокупаемое, после чего решил, что совокупаюсь со своим мозгом и махнул рукой. В конце концов, можно рассчитывать на то, что бумаги Рамиреза внесут некоторую ясность в происходящее и все станет на свои места...

Наконец лучи солнца пробились сквозь завешанные тяжелой тканью окна, утро, как всегда действовало лучше любого снотворного зелья, и я отрубился.

И вот четырехдневное планирование, проверки, перепроверки, беготня, нервы и напряжение мозгов пошли прахом.

Сначала все шло как по маслу. Моя первая цель - впустить подельников в помещение Банка была достигнута довольно легко. Вместо того, чтобы ползать по подвалам и служебным помещениям, высчитывая время отсутствия в коридорах постоянных патрулей, я просто просочился через главный вход во время вечернего развода постов.

Смену караула принимал усатый капитан охраны Банка лично. Он очень старался показаться перед Крисси а его люди выпрыгивали из штанов, чтобы угодить начальнику. Ведь капитан вознамерился провести вечер, а возможно и ночь с дамой, что означает спокойную вахту для рядовых охранников, и возможность незаметно соснуть в караулке.

Занятые этими мыслями, охранники шагали как по линейке бодро и четко, олицетворяя собой бдительность, неутомимость и рвение.

Крисси хохотала до слез, наслаждаясь этим цирком. Довольны капитан, зачислив прекрасное настроение девушки на свой счет, сурово хмурил брови и гаркал отрывистые команды еще громче. Ему грезилось кружевное белье красоты, которое он рассчитывал получить в свое распоряжение, напив Крисси, коварным Провианским игристым. Бедняге было невдомек, что сестра Бассо запросто проглатывала двойной Биделбонг на спор, и его потуги закончатся ночевкой под столом, а Крисси, как ни в чем не бывало, улизнет домой, так и не оставив записки с адресом.

Пока они развлекались, я прошмыгнул под самым их носом и, минуя первый караульный пост с отсутствующим в связи с парадным разводом дежурным, оказался в просторных недрах Первого Городского Банка.

Вокруг царила любимая мной полутьма. Электрическое освещение, установленное Молотами, на ночь обесточивалось, и лишь дежурные фонари распространяли мягкий, рассеянный свет на перекрестках коридоров и в служебных помещениях, где покоились солидные сейфы. Помимо сигнализации на дверях и окнах, имущество банка охраняли патрули и запертые в караулах дежурные. Караулки запланировали при строительстве таким образом, чтобы наблюдатель внутри мог просматривать смежные коридоры и немедленно включать свет при малейшем подозрительном движении или звуке. Вместе со светом с потолка падали стальные решетки, блокируя нарушителя в коридоре, и если незваный гость оказывался при оружии, дежурный расстреливал его с безопасного расстояния прямо сквозь решетку караульного помещения.

Но несмотря на все ухищрения, Банк периодически подчищали. Понемногу, содержимое пары тройки комнат вполне удовлетворяло воров. Чаще тафферов ловили, но человеческая беспечность, наряду с откровенной халатностью охранников всегда оставляла зыбкий шанс погреть руки на чужом имуществе.

Архивные и вспомогательные сектора Банка охранялись менее тщательно. По коридорам сновали лишь патрули. Одиночек легко вырубить, подкравшись сзади и приложив как следует дубинкой по черепу, чем я и займусь. Меня не интересует собственность Банка, моя вторая цель – Хранилище. Круглая комната с огромным количеством ячеек, где клиенты учреждения хранят свое добро. А чтобы попасть туда, следует впустить Хазера и Франко внутрь.

В первой же комнате архивного сектора, встретившей меня затхлым канцелярским духом, я открыл окно Хазеру. Он немедленно припустил в подвал отключать сигнализацию. Спасибо тебе, Крисси еще раз. Идиот капитан показал красоте, как охрана быстро и незаметно перемещается между этажами. Хазер отогнул ковер на полу, открыл крышку потайного люка и скользнул на нулевой этаж. Там он обесточит систему охраны пятого этажа, в который невозможно попасть, потому что там апартаменты Управляющего Банка и бухгалтерия. И в который никому не нужно попадать, потому что ценного там ничего нет. Вход на пятый этаж представляет собой длинный коридор, со специальным полом, ступившего на который, ждет гарантированная смерть, от удушающего газа. В общем пятый, охраняли от собственных сотрудников. Не дай Строитель напутают что – то с документами, или стянут бумаги, компрометирующие Банк, с целью шантажа. Но в кабинете Управляющего храниться интересная книжица, в которую капитан охраны, записывает номерной пароль от хранилища. Он сам выбирает цифры и сам запирает стальные створы святой святых Банка, поднимается наверх, отключает пол и пишет цифры в книжицу. Потому что иным способом вскрыть хранилище невозможно, и если лихой таффер прирежет капитана при ограблении, управляющий всегда сможет воспользоваться паролем позже.

Франко в это время спускался в панорамное окно с крыши банка и приступил к поиску кабинета Управляющего, и, собственно пароля. Хазер, по плану, уже сидит снаружи, осуществляет прикрытие и

поднимает шум, если наше присутствие обнаружат, чтобы отвлечь часть охраны на себя. В заранее подготовленном тайнике, достаточно световых бомб, чтобы надолго занять пару десятков вооруженных людей.

Самым рискованным моментом нашего плана была передача пароля. Мне пришлось целых четыре минуты торчать в холле Банка, представляющем собой пять ярусов внутренних обзорных балконов, увенчанных стеклянным куполом. Я был вынужден выйти из Скольжения в Шенях, чтобы Дранко мог меня увидеть и сбросить книжицу так, чтобы я поймал увесистый томик. Однако все прошло удачно. Я оттянул висящий на стене флаг с символикой Банка и книжица, беззвучно подпрыгнув на тжани, оказалась в моих руках.

Я скрылся в коридоре, ведущему к Хранилищу, и нашел там похрапывающего дюжего охранника. Все – такти отсутствие начальства пагубно сказалось на безопасности... Я ткнул его блэджком между глаз, для успокоения и занялся механическим замком. Наконец, колесаки на стальной двери встали в соответствии с последней записью в книжке Управляющего, и я с замиранием сердца опустил главный рычаг. Глухой звук, раздавшийся по ту сторону, оповестил меня об удачном окончании сложнейшего во всем плане этапа.

Внутри я быстро нашел ячейку номер 112, отпер ее ключом из спальни Фамиреза, набил бумагами заплочную сумку, вернул рычаг в исходное положение и пустился в обратный путь. Чем дольше Банк останется в неведении относительно нашего ночного визита, тем лучше.

Я бросил взгляд на огромные напольные часы. Ага. Дранко уже должен вскарабкаться по веревке на флюгер соседнего здания и ждать в условленном месте.

Когда я почти миновал холл, я расслышал отдаленный шум.
- Третий, нет, четвертый этаж, - успел прикинуть я.

И вдруг, прямо перед моим носом, сочно шлепнулся Дранко. Без головы. Следом прилетела его сумка и лопнула под весом содержимого. Звонко и радостно покатались в разные стороны веселые желтые кругляши. Золото. В ребро тебя раскорячь, через колено. Хренов Дранко!!! Увидал золото и «поплыл». Кретин!!!

Я принялся песочить дважды безголового Дранко, предоставившего мне роскошь орать во весь голос. Потому что сигнализация уже ревела так, что сводило зубы. Через минуту вся охрана будет тут, электрический свет уже включили, и мне не поможет даже Скольжение в Шенях. Я во всю прыть припустил в сторону Архивов, где меня ожидало открытое окно, проклиная Дранко на все лады. Да и я хорош... Всю жизнь работал один, привык, что за все отвечаю сам, и расплачиваюсь своей же шкурой. И прежде чем схватить что-нибудь ценное я всегда сначала заглядываю за угол. И не один раз. А тут простая аличность, пара несчастных монет и мое идиотское доверие.

Бегу.

Ветер свистит в ушах, в каждой руке зажато по световой бомбе, за поворотом топот ног и лязг мечей. Бросок бомбы – яркая вспышка, отборная брань. Два охранника трут глаза, дезориентированные и оглушенные. Направо, направо, налево, длинный коридор, стражник, еще бомба. Я привык красться, а не носиться, в висках уже стучит, дыхание сбилось. Еще поворот, бомбы уже не достать, они глубоко в сумке, под облигациями. Опять топот за углом, кинжал наперевес, замах, удар...

И прямо в живот Хазеру. Черт, черт, черт... Ну угораздило тебя...

Но уже замечаю, что из-под его кадыка торчит наконечник стрелы. Хазер медленно сползает на ковер, на лице застыло крайнее изумление. Я по инерции продолжаю бежать вперед. И тут до меня доходит. Впереди лучник.

Свист возле уха справа, чуть выше головы. Резкая боль в плече, и сразу еще. Торчащие стрелы мешают бежать, я их обламываю у основания, боль поглотил шок. Вышибаю ногой ближайшую дверь,

залетаю в комнату, но успеваю получить стрелу в икру. Все, отбегался голубчик. Ногу страшно свело, я вскрикнул, оступился, из последних сил бросил тело вперед, в проем окна, стараясь уйти от ненавистного света в спасительную ночь.

Преск, звон разбитого стекла, дыхание перехватило от резкой потери опоры. Брусчатка дорожки для патруля, опоясывающая банк встретила меня жестоким ударом. Пару ребер точно сломал. Плечо взорвалось нестерпимой болью. Я заорал в голос, терпеть уже не было сил. Возле уха звонко щелкнуло. Настырный стрелок добрался до окна и пытался взять меня на прицел. Я понял, что следующая стрела окажется последней, и отталкиваясь локтями, пополз прочь. Израненный и ничего не соображающий от боли, я решил, что смогу начать Скорльжение в тени дикого винограда, оплетающего стену. Четыре метра, три, два с половиной – билось в висках.

Фигура запыхавшегося стражника закрыла полнеба, когда стены можно было коснуться рукой. -Попался таффер! Ну теперь получай! – зарычал охранник, рубанув плеча.

Я перевернулся на спину одновременно с его движением, и время будто остановилось. Я увидел, как раздвигается лезвием воздух, что сталь покрыта ржавчиной. Маленький зеленый треугольник, прилипший к потной ладони стражника. Это листочек дикого винограда трепыхается на ветру, тщетно пытаясь оторваться и улететь. Мне стало жалко его, я поднял руку, пытаясь помочь листочку обрести свободу. Я взглянул на стража, недоумевая, как тот может губить это зеленое незащищенное совершенство. Мне вдруг до слез стало жалко и охранника. Такой молодой, даже щетины нет. Приходилось ли тебе убивать? Это же так страшно! Наверное не приходилось, слишком неуверенный взгляд. Клинок поравнялся с моей вытянутой рукой, а я все смотрел стражу в глаза. Почувствовав легкое неудобство, я перевел взгляд ниже. Медленно и неохотно правая кисть отделилась от меня и фронтануруя красным исчезла в траве. Почему мне все равно? Только грустно. И надо же, совсем не больно... Тупо смотрю на обрубок левой руки. И ничего не чувствую.

Парнишка с мечом обалдело смотрит туда же, зеленеет, начинает сильно, со спазмами блевать...

Нет, не убивал он никого. Добро пожаловать в реальность, малыш. Подбегает, пыхтя и отдуваясь его напарник, ставит ботинок мне на грудь, размахивается целая в шею.

Я с удивлением и интересом наблюдаю, как из его глазниц начинают ползти ростки. Он роняет меч. Из живота молодого уже выросло целое дерево. Оно пропороло живот другого и они дергаясь и булькая движутся по ветке в объятия друг друга. А ночь раскалывает душераздирающий, полный ненависти и отчаяния женский крик... А потом ничто.

-Гаррет? Гаррет ты жив? Ну скажи, ну скажи хоть слово...

-Виктория?

-Да, я пришла, все будет хорошо...

-Я умер?

-Нет.

-Но ты же мертва!!!

-Спи Гаррет, тебе нужно спать...

-Виктория...

-Спи.